

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Вадим ПОСИТКО

СЦИПИОН

Рождение огня

Всемирная история в романах

Вадим Поситко

Сципион. Рождение огня

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Поситко В. Н.

Сципион. Рождение огня / В. Н. Поситко — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-5976-4

218 год до н.э. Армия Карфагена, ведомая Ганнибалом Баркой, вторгается на землю Италии. Римские войска терпят одно поражение за другим, но самое ошутимое Ганнибал наносит им в битве при Каннах. В этот критический час в Республике появляется новый лидер — молодой, но уже популярный в народе патриций. Публий Корнелий Сципион. Сплотив вокруг себя юных патриотов и собрав свежие легионы, он переправляется в Испанию, чтобы нанести удар там, где Ганнибал его меньше всего ждет, — по главной твердыне своего врага, Новому Карфагену. Однако овладеть этим городом — еще не значит выиграть войну. В кровавых, жестоких боях на земле Испании куется новая, неггибаемая армия Рима, вчерашние юнцы становятся опытными воинами, а судьба Сципиона тесно сплетается с судьбами простых легионеров, Марка и Тита, еще мальчишками давших друг другу клятву вечной дружбы и готовых следовать за своим полководцем до самого конца.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5976-4

© Поситко В. Н., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Об авторе	6
Пролог	8
Часть первая. Охота на зверя	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вадим Поситко

Сципион. Рождение огня

© Поситко В. Н., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

Об авторе

Вадим Николаевич Поситко родился 23 августа 1964 года на Луганщине, в городе Северодонецке. Градообразующим предприятием города являлся химический комбинат «Азот», поэтому, как и многие сверстники, после окончания средней школы № 2 он поступает в местное техническое училище, готовившее для «Азота» узких специалистов.

В 1983 году Вадима призывают в Вооруженные силы СССР. Шесть месяцев в учебке, а затем полтора года боевого дежурства в одной из частей РВСН не прошли даром. Именно тогда он определился, с чем хочет связать свою жизнь. И после демобилизации в 1985 году поступает на подготовительное отделение, а по его окончании – на первый курс Донецкого государственного университета. Выбор факультета дался легко: совместить любовь к литературе с увлечением еще со школьных лет историей идеально позволял факультет филологии, а именно – отделение русского языка и литературы. Не стал проблемой и выбор темы курсовых работ: «Советский исторический роман».

В конце первого курса армейский товарищ приглашает Вадима в Крым. Эта короткая поездка в городок Партенит (тогда еще Фрунзенское), к подножию знаменитого Аю-Дага, стала началом долгой и искренней привязанности – волшебное очарование Крыма заставляло возвращаться к нему вновь и вновь при любом удобном случае.

В Москву Вадим приезжает в январе 1991 года, работает над дипломом в Библиотеке им. Ленина. В июне успешно защищает его, оканчивает учебу в университете, а уже через два месяца страны, называвшейся СССР, не стало. Как и другие его сокурсники, предоставленный сам себе, Вадим не отказывается от желания работать по специальности. Он остается в Донецке, регистрирует небольшое рекламно-издательское предприятие и налаживает партнерский контакт с московским издательством «Терра». Его идеи вызывают у руководства интерес, и последовавшие за этим несколько лет стали плодотворной частью жизни: для «Терры» были разработаны и подготовлены, включая оригинал-макеты и редакцию, собрания сочинений таких классиков литературы, как Н. Э. Гейнце, А. Беляев, Ж. Рони-старший. Однако потребность писать самому не отпускала, и весной 1997 года Вадим отдает в московское издательство «Армада» первые главы романа в жанре фэнтези «Красный камень». Положительные отзывы редактора придают уверенности в собственных силах, но жизнь распорядится по-своему. Время диктует собственные жесткие правила, и Вадим соглашается на предложение товарища по Донецку, который уже давно перебрался в Москву, поработать в качестве «литературного негра». Так началось постепенное вхождение в круг авторов издательства «АСТ».

В 2000 году издательство решает запустить новый проект для детей «Роман для девочек. До 13 и старше», и Вадиму предлагают поучаствовать в нем уже под своей фамилией. Так родилась собственная серия книг о приключениях московской школьницы Кати Тимофеевой: «Жестокая рыбка Пиранья», «Круиз Белоснежки», «Белоснежка в затерянном городе», «Хозяйка голубой лагуны» и др. Главная героиня книг, в меру своих скромных возможностей, помогает восстанавливать справедливость, а иногда и распутывать «темные дела» в Южной Америке, Африке, Индии и многих других частях мира. За умение найти общий язык с самыми разными людьми, а также выпутаться из, казалось бы, безвыходных ситуаций обаятельная Катя получает от работников российских спецслужб псевдоним «Белоснежка». Не забыл Вадим и о Крыме, «отправив» свою героиню в Партенит (история похищения белухи Сони, описанная в книге «Белоснежка в бикини», отчасти основана на реальных событиях). По сути, эти произведения – своеобразный, написанный в приключенческом жанре, путеводитель по этнографии и географии, флоре и фауне описываемых стран. Позже появились «Русалка из Балашихи», «Танцующая с Ветром», «Когда оживают надежды» и другие книги, но уже с иными героями. Все они, будь то обычная девчонка из провинции или богатая наследница известного олигарха,

стремятся к одному и тому же: найти понимание у взрослых и завоевать уважение сверстников, ну и, конечно же, встретить настоящую любовь.

В 2005 году Вадим становится членом Межрегионального Союза писателей Украины (альтернатива авторов Донбасса прогнившей организации Киева). В родном городе работает журналистом и редактором местных газет. События 2014 года, возвращение в Россию Крыма застают его в Москве. В июне он приезжает в не признавший киевский переворот Северодонецк, который жил тогда буквально на осадном положении, и уже не покидает его вплоть до начала СВО. Вместе с семьей оставался в городе и во время боев за него весной 2022 года.

В настоящее время Вадим Николаевич Поситко живет и работает в своем родном городе Северодонецке.

*Парням, взявшим в руки оружие и ставшим мужчинами.
Мужчинам, не искавшим славы, но ставшим героями*

Пролог

Рим, март 241 года до н. э.

Пламя светильников слегка подрагивало, словно прислушивалось к биению его сердца. «Тук, тук, тук», – стучал внутри него невидимый молоточек. Он поднялся с софы и подошел к бассейну в надежде, что созерцание воды – прозрачной, будто застывшей в вечности – хоть как-то успокоит его натянутые, как струна, нервы.

«Тук, тук, тук... тук, тук, тук», – молоточек отбивал учащенный ритм, не собираясь, по всей видимости, замедляться.

Публий вернулся к софе и опустился на нее, прикрыв ладонями глаза, – яркий свет светильников начинал раздражать. Торопливые шаги по мрамору пола заставили его вздрогнуть. Он оторвал от глаз руки: рабыня спешила в супружеский покой с миской парующей воды. Он проводил ее встревоженным взглядом до закрывающего вход полога, но как только девушка скрылась за ним, из комнаты донесся надрывный крик Помпонии, его жены. Публий вскочил с софы, едва не опрокинув ее, и ринулся к покою, но, сделав два шага, остановился: ему там не место, о супруге позаботятся опытная повитуха и их рабыни. Он сцепил за спиной руки и вернулся к бассейну, однако сосредоточился не на спокойной глади воды, а почти со злобой вперил глаза в трепещущее пламя ближайшей лампы.

Ему показалось, что он простоял так целую вечность, буравя взглядом ярко-желтый огонек, когда за спиной возник Тиرون. Раб появился так бесшумно, что Публий опять вздрогнул, но теперь уже от голоса Тирона.

– У Лигурии отошли воды, господин, – едва слышно, почти шепотом проговорил он. – Вот-вот начнутся роды...

– Я услышал тебя, а сейчас оставь меня. – Взмахом руки Публий отослал раба обратно, и тот исчез так же неслышно, как и появился...

Этот день для Публия Корнелия Сципиона был особенным. В супружеском покое готовилась подарить ему первенца его молодая жена Помпония. И в это же самое время на половине слуг, в маленькой комнатке, совсем еще юная рабыня должна была вот-вот произвести на свет другое его дитя. Публия угнетало такое неуместное, нелепое совпадение, он видел в этом руку богов, решивших таким образом посмеяться над ним. Что ж, пусть тешатся, пусть наблюдают его смятение. В любом случае, раньше или позже, но все закончится и завтра наступит новый день, в котором он уже будет отцом. А боги... Им он непременно поднесет благодарственные дары.

Его мысли прервал шум в прихожей. Публий повернул на него голову, еще не зная, как реагировать. Однако тут же облегченно выдохнул: быстрой упругой походкой в атриум¹ почти вбежал Гней. Раскрасневшееся лицо и сияющие глаза младшего брата говорили о том, что прибыл он с добрыми вестями.

– Победа, Публий! Ошеломляющая победа! – вскричал он, но тотчас опомнился и понизил тон. – Мы наголову разбили пунийский флот у Эгатских островов. – Ответа не последовало (брат смотрел на него рассеянным взглядом), и Гней продолжил: – Ты понимаешь, что это значит? Война окончена!

В гостиной на какое-то время повисла гнетущая тишина.

– Двадцать четыре года, – произнес наконец Публий, обращаясь скорее к самому себе. Он помолчал, как бы взвешивая в уме весомость озвученного им числа, затем повторил: –

¹ Пояснения к древнеримским терминам, географическим названиям и некоторым именам см. в словаре в конце книги.

Двадцать четыре года – именно столько наша Республика несла на себе тяжелое бремя этой войны... Что ж, она заслужила право на покой.

– И победу! Неоспоримую победу!

– Пожалуй, ты прав, Гней, – все так же безучастно произнес Сципион, – но настоящая победа будет видна, когда Рим реально ощутит ее плоды.

– Что ты имеешь в виду? – Густые белесые брови брата озадаченно сдвинулись.

– Те выгоды, что получит Рим по условиям заключенного мира, который теперь, несомненно, запросит у него Карфаген.

– Да, разумеется. Это неизбежный итог любой войны.

– И довольно длительный переговорный процесс. Сенату и народному собранию предстоит еще не единожды надирать глотки, обсуждая и наши условия мира, и условия, на которых будут настаивать пунийцы.

– Это условия их капитуляции, так что голос пунийцев в переговорах второй, – не преминул заметить Гней. – Но Сицилия в любом случае должна отойти Риму. В конце концов, именно из-за нее все и началось.

– Дело не только в Сицилии. На ее счет у меня сомнений нет. – Публий, соглашаясь с ним, качнул головой, бросил напряженный взгляд на полог спального покоя. – Есть и другие зоны влияния, а кроме этого – вопросы денежной контрибуции, обмен пленными...

Его оборвал очередной крик Помпонии, более натужный и громкий. Теперь супруга кричала не прерываясь, и Публию стоило больших усилий не броситься тотчас к спальне. Вместо этого он пересек гостиную и замер у алькова со статуей Юноны. Богиня взирала на него из углубления ниши настолько участливо (во всяком случае, так Сципиону показалось), что он всем сердцем поверил и в ее могущество, и в то, что она не оставит его дом в такой час без должной помощи. Он любил свою жену, и сама мысль, что с Помпонией может случиться что-либо недоброе, вызвала у него отторжение. «С ней не произойдет ничего дурного, она сильная, она не оставит меня, не может оставить, ведь мы только начинаем по-настоящему жить!» – убеждал он себя вновь и вновь с настойчивостью бьющего по наковальне кузнеца. Меж тем Помпония не прекращала кричать, а Публий уже начинал пробивать озноб – мелкий, холодный, колющий. Однако глаза Юноны – немигающие, чуть навывкате – продолжали с завидным упорством напоминать о причастности ко всему происходящему всесильного божества. И это напоминание дарило ощущение легкого, как весенний туман, покоя.

– Все будет хорошо, брат. – Гней опустил руку на его плечо и попытался снизить напряжение: – Если у вас с Помпонией родится сын, назовете его в честь меня, Гнеем. Я настаиваю!

Публий нашел в себе силы усмехнуться. И в этот момент крики прекратились.

Он поспешил к спальне и едва не столкнулся с выскользнувшей из-за ширмы рабыней. По радостному облегчению на ее лице (девушка, видимо, первый раз присутствовала при родах) он понял, что все закончилось благополучно.

– Господин, у вас родилась дочь, – проговорила она срывающимся от волнения голосом и поспешила добавить: – С госпожой все в порядке, она отдыхает.

– Возможно, мне повезет во второй раз! – услышал Публий за спиной голос брата.

Он обернулся, чтобы обнять его, выплеснуть свою радость, но хлынувший наружу порыв мгновенно откатил, когда он увидел на пороге атриума поникшую фигуру Тирона. Не объясняя ничего Гнею, Публий поспешил к рабу, несчастный вид которого уже сам по себе говорил о многом. Придвинувшись к нему почти вплотную, он прошептал:

– Ну же, Тирон, не молчи! Как Лигурия? Что с ней?..

О его связи с рабыней знал только Тирон. Это была их тайна, которую преданный раб поклялся унести с собой в могилу. Прелестная, как лесная нимфа, с большими невинными глазами, девушка приглянулась Публию, едва переступила порог их дома. Купил ее отец, рассчитывая, что та станет достойной служанкой для будущей жены сына (переговоры о свадьбе

Публия и Помпонии находились еще в зачаточном состоянии). Немного диковатая и скромная, дочь лигурийского племени очень быстро обжилась в доме Сципионов. И так же быстро, со всей пылкостью юности ответила взаимностью на искренние чувства Публия. Они стали любовниками за два месяца до его бракосочетания (с Помпонией он тогда даже не был знаком), и эти месяцы стали для них настоящим счастьем. Его не омрачало даже осознание того что, когда Публий женится, их тайные ночные встречи уже не смогут продолжаться, во всяком случае регулярно. И они принимали этот факт как должное, утешая себя тем обстоятельством, что все равно будут находиться под одной крышей. Тем не менее вскоре после того, как в дом вошла Помпония, Публий решил прервать их отношения: он уважал и даже, как ему стало казаться, полюбил свою жену и поэтому не хотел начинать супружескую жизнь с интрижек на стороне. Лигурия с пониманием отнеслась к его решению, тем более что уютная жизнь в доме Сципионов была ей гарантирована. Они виделись каждый день, но не обменялись за эти месяцы ни одним словом, только взглядами – быстрыми, короткими, неловкими... Потом Лигурия перестала попадаться ему на глаза, и Тирон доложил, что та в положении. Роль отца будущего ребенка раб взял на себя, а вот супругу Публия новость о беременности ее любимой служанки привела в детский восторг. Еще бы: они забеременели практически одновременно! В этом наивная Помпония узрела знак богов и велела создать для Лигурии, как будущей матери, все необходимые условия. Лишь Публий не разделял восторга жены, но держал свои чувства при себе...

– Так что с Лигурией? – повторил он вопрос, и Тирон наконец открыл рот:

– Она умерла при родах, господин, потеряла много крови, бедняжка.

Раб с трудом сдерживал слезы, готовые хлынуть неудержимым потоком из его покрасневших глаз. Публий сглотнул – к горлу подступил соленый комок.

– А ребенок? – спросил он осипшим вдруг голосом.

– Мальчик жив. – Тирон попробовал улыбнуться, но получилось у него как-то неубедительно.

– Мальчик? – тряхнув головой, переспросил Публий. Он будто вынырнул из глубокого сна.

– Да, Лигурия подарила жизнь твоему сыну, господин. – Раб вздохнул. – И отдала за нее свою.

– Возможно, повитуха была неопытна?

– Нет-нет, господин. Она сделала все, что смогла. – Тирон вновь тяжело вздохнул. – Но, видимо, так было угодно богам. – И бросил осуждающий взгляд на альков с Юноной.

Публий расправил плечи и, взяв себя в руки, на что понадобились некоторые усилия, ровным, спокойным голосом распорядился:

– Воспитание мальчика на тебе. Пусть вырастет настоящим мужчиной. Я же, когда придет время, найду для него дело рядом с собой.

На этот раз слезы все-таки выкатились из опухших глаз Тирона, а губы тронула едва заметная улыбка. Он склонил голову и тихо произнес:

– Можешь не беспокоиться, господин. Я позабочусь о малыше как о собственном сыне.

Часть первая. Охота на зверя

Глава 1

Устье Родана, июль 218 года до н. э.

Потрепанные ветром, корабли тяжело вползали в залив. Неглубокий и вытянутый на добрые две мили, он напоминал подошву сандалии с невысоким каблучком, в западной оконечности которой изливала свои воды местная река – первый с востока и самый широкий рукав Родана, к устью которого они подошли. Пологие берега с мрачной стеной леса и нависшим над ней серым небом, желтая кромка песка, на который лениво накатывали пенистые морские волны, – при других обстоятельствах этот унылый пейзаж, несомненно, навевал бы грусть, если бы не осознание того, что они наконец достигли Массилии, конечной цели своего плавания. Публий задержал взгляд на сторожевых башнях, занимавших голые, как обритые черепа, возвышенности. С них уже тянулись в небо черные струйки сигнальных дымков: их заметили, и военачальники постов приветствовали таким способом прибывший римский флот. Он обернулся, обводя глазами палубу.

Не привыкшие к морской качке легионеры с измученными лицами подпирали спинами фальшборты; те, кому не хватило уютного места, лежали прямо на настиле палубы. Совершенный ими переход под шквалистым, словно взбесившимся, ветром походил на героический прорыв сквозь плотные ряды превосходящего по силе противника, и этот отчаянный бросок не пощадил даже командиров: центурионы сидели и полулежали тут же, ничем не отличаясь от своих изможденных солдат. Возможно, если бы корабли держались дальше от берега, их не швыряло бы по волнам так беспощадно и люди пережили бы стихию не так мучительно. Но кто же мог предугадать внезапную смену настроения у богов?! Тем не менее из всех шестидесяти восьми галер, восемь из которых были транспортными, не пострадало ни одно судно. Что уже само по себе являлось примечательным, поскольку корабли были не первой свежести. Это обстоятельство заставило Публия улыбнуться: он вспомнил, что сказал по этому поводу его отец.

– Старые – не значит дряхлые, – заявил тот, осматривая в порту Пизы, из которого им предстояло отплыть, предоставленные его армии корабли. – Они проверены временем и штормами. И если до сих пор не пошли ко дну, выдержат еще не один поход.

Отца избрали консулом от патрициев после мартовских ид, и тогда же в Карфаген было отправлено посольство с тем, чтобы выдвинуть зарвавшимся пунийцам ультиматум. На то у сената и народного собрания имелись веские основания: полководец Карфагена Ганнибал Барка взял приступом дружественный римлянам Сагунт, разграбил его, а жителей пленил либо истребил; помимо этого, он не переставал возмущать лояльные Риму иберийские племена, пополняя за их счет свое и без того немалое войско. Делегация имела полномочия, в случае неудачного итога в переговорах, объявить пунийцам войну. Тем не менее, понимая неизбежность нового столкновения с Карфагеном, ждать возвращения послов в Риме не стали и приготовили две армии. Первую, ударную, решено было отправить на Сицилию для последующего вторжения в Африку. Возглавил ее второй консул, Тиберий Семпроний Лонг. Менее многочисленная экспедиция под командой Публия Корнелия Сципиона отправлялась в Массилию, чтобы потом, преодолев Пиренеи, сдерживать Ганнибала в Испании. Однако «сдерживать» этого человека было проще на словах, чем на деле. Юный Публий слышал о нем как о смелом и талантливом командире, не проигравшем до этого ни одного сражения. Желание встретиться с таким достойным противником в бою было так велико, что он уговорил отца взять его с собой.

Возраст (недавно ему исполнилось семнадцать лет) позволял, а родитель не стал возражать, напротив, с одобрением отнесся к этому по-настоящему мужскому решению младшего сына, носившего к тому же его имя – Публий.

И вот, после долгого изнурительного плавания, они бросили якорь у неприветливого на вид, но дружественного берега. Стоявшее в зените солнце едва пробивалось сквозь плотную пелену туч, но ветер утих, и лишь легкая рябь по морской глади напоминала о том, что именно им пришлось пережить. А ведь это был еще не шторм, который заглатывает корабли, как человек бобы! Публий непроизвольно передернул плечами.

– Спускайся в лодку! – услышал он за спиной голос отца и удивился тому, насколько тот бодр, как будто и не было многочасовой болтанки в море.

Публий спустился по веревочной лестнице в командирскую шлюпку – в ней уже сидели на веслах шестеро легионеров – и занял место на корме. Консул вззошел на борт последним в сопровождении Элия, который сразу же с настороженностью цепного пса стал вглядываться в береговую линию. Элий был при отце и его личным телохранителем, и кем-то вроде доверенного посыльного, так что Сципион Старший практически никогда с ним не расставался. Находившийся на носу центурион окинул крепкую фигуру парня оценивающим взглядом, словно прикидывая, какой бы из того вышел боец, затем, убедившись, что консул на корме, дал отмашку легионерам:

– Весла в воду, парни! Раз!..

Лодка устремилась к берегу со степенностью почтенного старца – неспешно, плавно, слегка раскачиваясь. Но это уже была иная качка, не та, от которой выворачивало наизнанку внутренности; при этой возникало желание прикрыть тяжелеющие веки и пусть на короткое время, но почувствовать внутри себя мир и покой, забыть о страхах и волнениях, пережитых накануне. Публий тряхнул головой, прогоняя не к месту накотившее вдруг ощущение безопасности. Берег Массилии хоть и был подконтролен Риму, но кто знает, что произошло здесь за те дни, пока они находились в море... В последние месяцы галльские племена то и дело проявляли непокорность, вспыхивая возмущением, как снопы сена, – ярко, неожиданно, мощно. Стало доходить до боевых столкновений, одно из которых стало причиной задержки отца в Италии...

Нос шлюпки мягко коснулся песка. На берегу их уже встречала делегация ближайшего сторожевого поста. Выглядела она довольно скромно: два уже немолодых командира в полном боевом облачении и десяток солдат, двое из которых держали под уздцы лошадей своих начальников. Публий услышал, как справа зашуршал песок – к берегу причалила вторая лодка, в которой находился его дядя Гней Корнелий Сципион, занимавший в их армии должность префекта. Гней прыгнул в воду, не дожидаясь, когда легионеры вытащат шлюпку на берег, и поспешил к ним.

– Не вижу на их лицах радости, – едва поравнявшись с консулом, заметил он, кивком головы указывая на встречающих.

– Они солдаты, а не толпа восторженных горожан, – ответил ему старший брат, добавив уже тише: – В любом случае сейчас все узнаем.

Публий держался чуть позади, рядом с Элием. Оба центуриона, оставив у шлюпок по легионеру, двигались следом, и присутствие их небольших отрядов придавало процессии некоторой доли грозности. Публий поймал себя на мысли, что впервые находится так далеко от дома, от горячо любимого им Рима, к тому же на земле, где вот-вот могла начаться война. «Если, разумеется, Ганнибал решится на битву», – подумал он и услышал голос отца. Тот говорил, обращаясь к командирам сторожевого поста:

– Я, консул Публий Корнелий Сципион, говорю от имени сената и народа Рима! – голос его звучал подчеркнуто торжественно, звенящими нотами разносясь в застывшем воздухе. – Армия, что я привел с собой, нуждается в кратком отдыхе. Но она не задержится здесь дольше,

чем того требуют обстоятельства. Наша цель – как можно быстрее достичь реки Ибер и не дать карфагенянину Ганнибалу нарушить границу...

– Но Ганнибал уже у берегов Родана! – не удержавшись, воскликнул один из встречающих командиров, перебивая консула.

Сообщение было настолько ошеломляющим, настолько неожиданным, что братья Сципионы в растерянности переглянулись, даже не возмущившись таким бесцеремонным нарушением этикета.

– Ты хотел сказать – у Ибера? – попытался поправить его консул, но в голосе сквозила неуверенность: Публий Старший все еще отказывался верить в то, что услышал.

– К сожалению, консул, – заговорил второй командир, немногим старший своего товарища, – ты не ослышался. Ганнибал уже здесь. Его войско подошло к Родану.

– Насколько близко? – Брови Сципиона слились в одну линию, глаза сузились, превратившись в узкие щели.

– Лагерь пунийцев в двух днях пути от нашей крепости. И, по всей видимости, они готовятся к переправе.

Публий заметил, как пальцы отца, тонкие, но крепкие, сжались в кулаки. Он молчал, обдумывая ситуацию, к которой явно не был готов. То, что Ганнибал уже достиг галльской земли, казалось невероятным.

Гней, повернувшись к брату, негромко напомнил:

– Наши воины обессилены морской болезнью, им нужен отдых.

Консул в ответ лишь кивнул и, не поворачивая головы, сверля взглядом встречавших его командиров, притихших и встревоженных, озвучил приказ:

– Префект, подавай сигнал к высадке. И отбери к утру самых крепких всадников. Достаточно будет пяти сотен. Я должен знать, где этот Пуниец!

Корницену, стоявшему позади префекта, достаточно было взмаха его руки. Сигнальный рог изрыгнул из себя настолько пронзительный, высокий звук, что всполошились не только береговые чайки, но и птицы в ближайшей роще. Элий усмехнулся, приглушенным шепотом заявив Публию:

– Вот все и завертелось. И не нужно тащиться через эти... как их там...

– Пиренеи, – подсказал Публий, испытывая похожее облегчение. – Я, признаться, тоже не был в восторге от такой перспективы, хотя и говорят, что эти горы не особо высоки и вполне проходимы.

– Мало ли что говорят. – Элий пожал плечами, даже под туникой напоминавшими два гранитных булыжника. – Горы всегда остаются горами.

– Соглашусь с тобой. Хотя бы потому, что вести по ним войско куда сложнее, чем по равнине. Впрочем, я не особо знаком с военным делом...

Публий осекся, задавшись внезапно возникшим вопросом: «А зачем, собственно, Ганнибалу переправляться на другой берег Родана?» И тут же, как логическое продолжение, вспыхнул в его голове второй вопрос: «И куда он намерен двинуться потом?»

Словно издали, порывом холодного ветра врываясь в его сознание, прозвучал еще один вопрос. Но это уже говорил дядя Гней, обращаясь к его отцу:

– Ты думаешь о том же, что и я? Разве такое возможно?

– Я не могу знать, что в голове у этого человека, – хмурым, раздраженным голосом ответил консул. – Разумеется, это безумие! Такой переход погубит всю его армию, по меньшей мере сделает ее небоеспособной. Но что бы Ганнибал ни планировал, наши собственные планы при таких обстоятельствах меняются: теперь мы должны не пустить его за Родан.

– Именно так, брат. Все это зашло слишком далеко.

* * *

Посланный на разведку отряд вернулся через пять дней. Вернулся он изрядно потрепанный, но выполнивший поставленную задачу. Из пятисот всадников, три сотни из которых были отборными римскими кавалеристами, а остальные – галлами из вспомогательных войск, в лагерь вернулось триста сорок уставших и израненных конников. Публий не присутствовал при докладе командира отряда и не стал задавать вопросы ни отцу, ни дяде. Он узнал о результатах рейда от Элия, который как мог – скупое, но красочно – описал ему все случившееся.

Оказалось, что, двигаясь вверх от устья Родана, римляне натолкнулись на конный отряд пунийцев. Судя по описанию, это были нумидийские всадники, о которых много говорили, но которых до этого случая никто не видел. Свирепые наездники Африки, вероятнее всего, тоже производили разведку и сами не ожидали встретить врага. По численности оба отряда не уступали друг другу, и схватка завязалась настолько ожесточенной, что пало в ней немало воинов. Публий дал волю воображению и отчетливо, будто сам участвовал в сражении, увидел, как сталкиваются на полном скаку всадники, как рубятся они мечами и пускают в ход копья – и делают это с таким остервенением, словно бы здесь и сейчас решается исход всей войны. В конце концов нумидийцы не выдержали яростного натиска противника и бежали, однако говорить о первой победе римлян можно было с большой натяжкой: потери оказались примерно одинаковы с обеих сторон.

И все же необходимые сведения отряд консулу доставил. На берегу Родана действительно был разбит большой лагерь неприятеля, в котором, помимо огромного количества повозок и всадников, разведчики увидели слонов, а у реки – многих людей с топорами, соорудивших плоты. У Сципиона отпали последние сомнения, и после совещания с трибунами он отдал приказ привести легионы в боевую готовность.

Продвигаясь со всей осторожностью (консул не исключал, что Ганнибал, узнав о прибытии римской армии, выдвинется ей навстречу), спустя три дня они вышли к лагерю карфагян. Сципион намеревался сразу же вступить в бой, поэтому еще на подходе развернул свои колонны в боевое построение. Между тем за укреплениями лагеря если и наблюдалось какое-то движение, то оно мало походило на присутствие огромного войска.

– Я не вижу дыма костров. – Публий привстал в седле, всматриваясь во вражеское становище.

– И не слышно боевых труб, – поддержал его Элий. Он похлопал свою гнедую по шее, как бы давая понять, что лошади можно немного отдохнуть, затем напрягся, прищурившись. – Зато слышны голоса, орущие песни... и удары в щиты.

– Как думаешь, что это все может значить? – Юный Сципион уже уловил нарастающий из-за укреплений грохот, как будто сотни дубин безжалостно, с остервенением колотили о щиты.

– Так ведут себя галлы в припадках бурной радости или иступления, когда их разум помутнен.

– Галлы овладели лагерем Ганнибала?! – скорее растерялся, чем удивился Публий.

Элий по привычке пожал плечами и усмехнулся:

– Вряд ли. Эти, похоже, устроили пир на обедах пунийцев.

Словно в подтверждение его слов, к командующему на взмыленном коне подскочил вестовой префекта, часть кавалерии которого уже врывалась в пунийский лагерь. Всадники тесным строем, по трое, пронеслись мимо распахнутых настежь, неохраняемых ворот, и становище в одно мгновение наполнилось новыми звуками, в которых утонули и голоса поющих, и грохот щитов. То, что происходило сейчас внутри частокола, напомнило Публию (он видел такое только однажды) большую свалку в портовых доках Тибра, когда там, кроша и ломая все вокруг, выясняли отношения противоборствующие коллегии – местные банды.

– Консул! – выпалил вестовой. – Наша кавалерия занимает лагерь врага. Префект отправляет для его зачистки две когорты пехоты!

– Передай префекту, чтобы явился ко мне лично... как можно быстрее!

По лицу отца Публий догадался, что тот уже понял, в чем дело. Пешие воины союзных когорт еще входили в лагерь, а к ним уже мчался на своем вороном Гней Сципион.

– В лагере только пьяные галлы, те, что не пожелаали идти с Ганнибалом! – сообщил он, осадив коня. – Моим парням пришлось постараться, но они вытянули из них, что войско Пунийца переправилось через Родан три дня назад.

– Когда мы только выступили, – с нескрываемой досадой вздохнул консул.

– Именно! – Гней кивнул и продолжил: – Пепелища костров уже остыли, так что, думаю, эти пьяные скоты не врут. С их слов, войско двинулось на север вдоль реки.

– Он идет к Альпам, теперь это очевидно. И с таким разрывом нам трудно будет его догнать.

– А стоит ли? Пусть губит своих людей при переходе через горы...

– А мы встретим его со свежими силами, когда он спустится в долину Пада, – закончил за брата консул и наконец улыбнулся: – Если он вообще в нее спустится. Но я в любом случае должен исполнить свой долг перед Римом, поэтому мы поступим следующим образом...

Публий слушал своего отца и поражался стремительности его мысли. Трудно было поверить, что в действительности это первый боевой опыт Сципиона Старшего: он говорил твердо, со знанием дела, как уверенный в своих решениях командир; иногда делал паузы, но разум его при этом работал быстро и четко, точно в голове уже давно сложился определенный план. Гней внимал брату, как преданный подчиненный обычно выслушивает своего более мудрого военачальника. Он внес личные коррективы в план действий консула лишь единожды, посоветовав:

– Публий, возьми с собой больше воинов.

На что получил категоричный отказ:

– У тебя самого каждый воин будет на счету. Не забывай, в Иберии остался брат Ганнибала, Гасдрубал. А он не менее опасный зверь, чем тот, на которого охочусь я...

В этот ясный, солнечный день, находясь у покинутого врагом лагеря, юный Сципион не мог и помышлять, что открытая его отцом охота на зверя в конечном итоге вновь приведет к этим берегам. И с этих зеленых холмов он, Публий Корнелий Сципион Младший, начнет собственную охоту, но куда более кровавую... и более удачную, чем та, что выпала на долю его родителя.

Глава 2

Трое мальчиков, прихрамывая, поддерживая друг друга, брели вверх по улице, на которой знали каждый камушек и каждую выбоину в почерневшей от времени мостовой. Им было лет по десять, не больше. Впрочем, сторонний наблюдатель вряд ли смог бы определить их возраст: загорелые мордашки измазаны густым слоем из грязи и крови, волосы взлохмачены так, словно они только что вырвались из лап Аида, который измывался над ними все утро, а руки и плечи сплошь покрыты ссадинами.

– Ну и попадет же мне от матери за тунику! – горестно вздохнул самый худощавый из них, рассматривая разорванную в двух местах одежду.

– Не бери в голову, Анний, – попытался успокоить его товарищ, чуть повыше ростом и более жилистый. – Поворчит, потом заштопает. Ей не впервой.

– Тебе хорошо говорить, Тит! Ты отделался только синяком! – Анний указал на опухлость под левым глазом приятеля, которую не мог скрыть даже слой грязи.

– Только синяком! – Тит остановился, возмущенно выпучив здоровый глаз. – А это что?! – И выпятил правое плечо с двумя глубокими царапинами, которые уже начали покрываться темной корочкой.

– Да хватит вам, нашли время! – обернувшись, осадил друзей третий, самый рослый из них. Он сильно прихрамывал и держался за зад. – Только что обнимались – и уже спорите. Мне вот досталось больше всех, а я молчу.

Приятели уважительно посмотрели на своего друга – боевых отметин у того действительно было куда больше: разбитая губа, опухшее и покрасневшее ухо, сбитые в кровь коленки и костяшки коротких, но толстых пальцев.

– Здорово ты Рябому заехал, Марк! – вспоминая недавнюю драку, расплылся в улыбке Тит.

– В следующий раз я ему зубы выбью! – зло проворчал мальчик, осматривая свой правый кулак. – Жаль, что только в ухо попал.

– Так и он в твое попал, – напомнил Анний, с подозрением разглядывая ухо товарища, которое как будто продолжало увеличиваться в размерах.

Марк нахмурился и щелкнул его пальцем по лбу.

– Нечего глазеть! Дней через пять буду в норме. И вот тогда мы выследим этих щенков с Целия, устроим им засаду и как следует надерем задницы!

– Полностью с тобой согласен! – одобрительно воскликнул Тит.

– Возможно. – В голосе Анния уверенности прозвучало значительно меньше.

Тит подхватил его за талию (в потасовке Анний наступил на острый камень и проколол пятку) и поволок дальше. Марк, припадая на левую ногу и продолжая держаться за зад, брел впереди. Если бы сейчас один из друзей напомнил ему о том, как кто-то из целийцев огрел его палкой по заднему месту, огрел подло, зайдя со спины, он бы наверняка ответил грубостью или того хуже – ударил. Марк сжал зубы: «Ничего, мы еще поквитаемся и за мой зад, и за глаз Тита, и за тунику Анния!»

Дом мальчиков находился в конце улицы Каменотесов, на которой, по уверениям Марка, жили самые сильные мужчины Авентина. В трех шагах от арки, служившей входом в их двор, имелся священный угол, где в затененной глубине стояла древняя плита с изображением Минервы. У ног высеченной на камне богини, на алтаре, всегда лежали подношения: цветы и дешевые безделушки – от женщин, более серьезные, в виде гвоздей и монет, – от мужчин. Марк завернул в закуток, где в рассеянных лучах света витали мелкие белые пылинки, и, посмотрев Минерве в серые каменные глаза, положил на деревянный поднос один из своих игральные камней. При этом разбитые губы его беззвучно шевелились в смешанной с молитвой просьбе:

«Великая богиня, покровительница ремесла, да пребудет с тобой вечный свет! Помоги отомстить за обиду, нанесенную мне и моим товарищам, Титу и Аннию. Дай нам силу, а на врагов наших нашли слабость и понос».

– Что ты там шепчешь, Марк? – окликнул его Тит, останавливаясь и переводя дух. – Анний, жало тебе в печенку! – тут же переключился он на приятеля, которого поддерживал. – Ты с виду такой щуплый, а на деле тяжелее мешка с зерном!

– Можно подумать, ты меня на себе несешь! – огрызнулся тот и попробовал освободиться от руки Тита.

– Что я вижу! Герои Авентина возвращаются с битвы, как побитые щенки! – услышали они насмешливый знакомый голос и замерли как вкопанные.

Высокий крепкий парень, с коротко стриженными темными волосами, стоял посреди улицы, широко расставив ноги, и загораживал вход в арку. Это был Нума, живший раньше в их доме, а сейчас состоявший в коллегии доков. Не то чтобы мальчишки его побаивались, но всякий раз, сталкиваясь с ним, испытывали чувство внутреннего дискомфорта. От Нумы исходили почти осязаемые кожей волны опасности, и связываться с ним не возникало желания даже у местных мужчин. Видимо, он приходил навещать своих родителей (делал он это регулярно, не реже двух раз в месяц) и совершенно случайно натолкнулся на потрепанную троицу друзей.

– Ну что застыли, словно статуи?! – Нума расхохотался. – Кто вас так отделал? Не иначе подрались с демонами ночи?!

– С парнями сцепились, с Целия, – буркнул, насупившись, Марк и встал рядом с товарищами.

Нума смерил их насмешливым взглядом, в котором вдруг проступила совершенно не свойственная ему теплота.

– Вам до парней, как мне ползком до Галлии, – сказал он уже с меньшей долей иронии и, подмигнув им, добавил: – Захотите научиться драться по-мужски, приходите. Где меня найти, знаете. – И пошел вниз по улице, насвистывая себе пол нос.

– Он это серьезно? – почему-то шепотом произнес Анний.

– А почему бы и нет? – Марк глядел вслед Нуме. – Могу предположить, что он хочет сделать из нас настоящих бойцов.

– Чтобы потом мы стали членами его коллегии, – продолжил его мысль Тит.

– А почему бы и нет? – повторил Марк.

– Да я как-то об этом не думал.

– А ты вообще о чем-то думаешь? Или хочешь до конца дней, как твой отец и братья, до белых мозолей обтесывать камни?

– Говорю же, я еще не думал, чем буду заниматься, когда придет время!

– Как будто у нас есть выбор! – вмешался в разговор Анний. – Я, например, не вижу ничего плохого в том, чтобы продолжить дело отца.

– Ну конечно! – Тит покачал головой и ущипнул его за талию. Анний пискнул, а Тит закончил: – Варить бобовую похлебку и разливать по чашам вино куда приятнее, чем весь день стучать зубилом по камню.

Его приятель не растерялся, с живостью заявив:

– Сам же нахваливал мамину похлебку! А еще говорил: «Как ужасно с утра до ночи стоять у горячей плиты!»

Отец Анния владел небольшой таверной, занимавшей первый этаж их дома. Три его старшие сестры уже полноценно были заняты по хозяйству: помогали матери на кухне, разносили посетителям еду и вино. Анния как самого младшего ребенка в их большой дружной семье использовали пока что на посылах. Отец возлагал на сына особые надежды, видя в нем наследника своего маленького, но процветающего дела; мать в нем не чаяла души, при этом не переставала ворчать, что дружба отпрыска с такими балбесами, как Марк и Тит, не приведет ни к

чему хорошему. Анний носился по Авентину с поручениями отца со всей прытью, на какую был способен: осознание своей нужности в семье доставляло ему искреннее удовольствие. И в то же время он не упускал случая провести время с друзьями, Титом и Марком, с которыми частенько, если не сказать постоянно, ввязывался во всякого рода авантюры. Вот и сегодня они «совершенно случайно» попали в засаду, устроенную им мальчишками с холма Целий. А все это была идея Марка: «Пробраться на вражескую территорию с самой безлюдной стороны». Пробрались! И двух шагов не успели ступить, как на них налетела ватага Рябого. Их будто выслеживали и только выжидали момент, чтобы напасть. Анний вспомнил, как лихо вмазал одному из целийцев между ног, и улыбнулся.

– Идем, что ли! – сказал он, подталкивая плечом Тита и повторяя за Нумой: – Застыли тут, словно статуи!

* * *

Камушек отскочил от стены и упал на землю белым бочком к небу.

– Я опять выиграл! – воскликнул Марк, с видом победителя уперев руки в бока. – Сегодня точно не твой день, дружок.

В Тите начала закипать лютая злоба. Она всегда закипала в нем, когда приятель называл его «дружком». Он ненавидел это слово и готов был поколотить за него Марка, но всякий раз, когда доходило до «дружка», сдерживал себя. Вот и в этот раз он, как обычно, нахмурился, почесал лоб и двинулся к игральному камню. Подняв его с земли, Тит взвесил камушек в руке.

– Ты чего это делаешь? – забеспокоился товарищ.

– Ты нечестно играешь, Марк! – объявил ему Тит, прищурив правый глаз (левый пока еще жил сам по себе). – У тебя некрашенная сторона тяжелее. – Он покачал камушек на раскрытой ладони. – Поэтому твой камень и падает всегда белым брюхом вверх.

– Да ну, ерунда все это, – отмахнулся Марк, подбегая к нему и протягивая руку за своим игральным сокровищем. – А ну, дай сюда!

Тит убрал кулак с камнем за спину, ухмыльнулся и покачал головой.

– Не-а! Придет Анний, пусть нас рассудит.

– Ладно, – с неохотой согласился с ним Марк. – Только где этот Анний, где его ветры носят?

– А я почему знаю. Сказал, что отец отправил его к пристани. Скоро будет.

– Ну не ждать же его здесь полдня? Я уже проголодался.

– Ничего, потерпит твой желудок! – раздался у них за спинами голос Анния.

Увлеченные спором, друзья не заметили, как он подбежал. Выглядел их приятель не только запыхавшимся, но и откровенно возбужденным. Тит уже открыл рот, чтобы поинтересоваться, что стряслось, но Анний не дал ему сказать и слова.

– Пока вы тут развлекаетесь, – с горящими глазами сообщил он, – я выследил Рябого. Он у пристани! Один, как глаз у циклопа!

Тит сунул камень в руку опешившего Марка и почти выкрикнул:

– Мы так и будем стоять?!

– Сегодня я ему точно выбью зуб. – Марк уже пришел в себя и со зловещей улыбкой на лице сделал шаг в направлении Тибра. – Бежим к пристани!

Они понеслись вниз по улице, обгоняя прохожих и мелких торговцев с лотками на груди. Едва не сбили щенка, оказавшегося у них на пути, после чего в спины им полетел возмущенный голос девочки:

– Ослепли?! Под ноги смотрите, дурни!

Анний чуть не наступил на лошадиную «лепешку», и только рука Тита, вовремя отдернувшая друга в сторону, спасла его от позорного падения. Марк мчался впереди, выставив

голову, будто намеревался протаранить ею ненавистного врага. Жгучее желание покуситься за полученные раны гнало его вперед, но у портовых доков они перешли на шаг и, как ужи, нырнули в толпу горожан.

На первый взгляд, царившая в это время дня суета была обычной для пристаней Тибра: наемные работники разгружали прибывшие из Остии баржи и лодки, покрикивали следившие за разгрузкой начальники, орали, предлагая свежие лепешки и воду, местные разносчики. Однако сегодня – и Тит ощутил это почти сразу – присутствовала во всей этой кутерьме некая напряженность, какая обычно бывает, когда перед грозой тяжелеет воздух. Он огляделся по сторонам и легонько толкнул Марка локтем в бок:

– Ты ничего не замечаешь?

– Уже заметил, – отозвался тот, кивком головы указывая в сторону двух дельцов, похоже, обсуждавших цену на поступивший товар. – Вот он, голубчик, попался!

Рядом с телегой, в которую горкой были сложены мешки, отирался Рябой. Его наглухо физиономию, сплошь покрытую крупными веснушками, Тит узнал бы из тысячи. Рябой чего-то выжидал – то ли дружков, то ли с моря погоды.

– Идем, Планк! – позвал его один из мужчин, и мальчик без особого желания поплелся за ним.

– Так вот как тебя зовут, вражина! – прошипел Марк у самого уха приятеля.

– Наверное, это его отец, – предположил Тит и вспомнил вдруг, что давно не слышал Анния. Он обернулся: товарищ, приподнявшись на цыпочках, тянул шею и пытался что-то рассмотреть в собиравшейся у кромки берега толпе. – Что ты там выглядываешь? – осведомился Тит, неосознанно, каким-то внутренним чутьем уже понимая, что истоки витавшей в воздухе напряженности исходят из того места, к которому приковано внимание друга.

Между тем Рябой и его отец направлялись к той самой группе у берега, где уже начинали закипать страсти: кто-то размахивал руками и возмущенно кричал, кто-то пытался заткнуть рот особо разговорчивым, а кто-то просто потрясал в воздухе кулаками. Друзья, не сговариваясь, стали пробираться следом за Рябым и его родителем. Осторожно, словно идущие по следу охотничьи псы, они втиснулись в плотную, как дремучий лес, массу людей, которые с нарастающим волнением внимали словам помощника городского эдила. Тот говорил достаточно громко, и каждое его слово вбивалось в мозг Тита острым гвоздем. Он уже не мог думать ни о Рябом, ни о своей славной мести и даже – ни о стоявших рядом товарищах. То, что он услышал, что понял, вытеснило все мысли, занимавшие его до этого момента, поразило его воображение так глубоко, что у него возникло единственное неодолимое желание – бежать как можно быстрее домой и донести эту ужасную новость своим родным... всему их дому.

– Такого не может быть! Перейти с войском Альпы! – выкрикивали в толпе.

– Это немыслимо! Только полный глупец пойдет на подобное безумство.

– И все же это так! Иначе зачем тогда консул Корнелий Сципион возвратился в Италию?!

– И правда, зачем?

– Да чтоб встретить Ганнибала на севере, когда он спустится с гор, тупица ты этакая!

– Я тебе дам «тупица»! Нельзя сразу объяснить по-человечески?!

– Притихли оба! Дайте послушать...

– Консул Публий Корнелий Сципион заверяет граждан Рима, – возвысил голос помощник эдила, – что выполнит свой долг до конца и не пустит дерзкого Пунийца дальше реки Пад!

Тит слышал, как шлепают за его спиной сандалии Марка и Анния, как посвистывает у собственных ушей ветерок. Сейчас он не бежал, он – летел, сгораемый желанием первым ворваться во двор и сообщить всему дому потрясающие вести: карфагенянин Ганнибал начал-таки с Римом войну и двинулся со всем своим войском... через Альпы... в Италию, в то время как консул Сципион спешит дать ему бой на северных рубежах Республики.

Глава 3

Совещание в палатке командующего затянулось до полуночи. Все это время Публий скромно просидел на раскладном стульчике в дальнем углу, вглядываясь в сосредоточенные лица трибунов и других военачальников, призванных консулом на совет. Одновременно он прокручивал в голове события последних месяцев, с того дня, как они покинули берег Массилии...

Они отплыли в Пизу с небольшим отрядом, оставив префекта Гнея Сципиона сдерживать карфагенян в Испании. Четыре турмы римской кавалерии и пять сотен легковооруженных пехотинцев – все, что взял с собой консул из армии, которую передал под командование младшему брату. Публий осознал, насколько разумно решение отца, лишь после того, как они достигли армейского лагеря у северной границы. Марш-бросок отряда оказался настолько стремительным, не обремененным тяжелой пехотой и обозами, что в римской армии его появление стало полной неожиданностью. Приняв от преторов Луция Манлия и Гая Атилия командование, консул сразу же приступил к активным действиям. Первым делом он провел смотр перешедшим под его начало войсковым частям. Поскольку претор Манлий потерял значительную часть воинов, обороняясь от галлов, то с подкреплением, которое привел ему на помощь Атилий, армия имела три неполных легиона, порядка четырнадцати тысяч пехоты союзников и полторы тысячи всадников, включая тех, что прибыли с консулом. По мнению Сципиона, силами для сражения с Ганнибалом они располагали достаточными – он не поменял своего убеждения, что войско пунийцев если и достигнет равнин Цизальпийской Галлии, то будет настолько поредевшим, а его остатки – настолько измождены, что справиться с врагом в открытом бою не составит труда. Так думал отец, и Публий не видел причин не соглашаться с ним.

Армия выступила к берегам Пада ускоренным маршем и вышла к западной долине реки недалеко от Плацентии, богатого и в то же время хорошо укрепленного города. Наведя мост, римляне переправились на левый берег, у места впадения в Пад его мощного северного притока, Тицина. Но и здесь консул не стал сидеть на месте. Стоял ноябрь, выдавшийся в этом году особенно промозглым, и Сципион спешил. Спешил дать Ганнибалу бой, пока его солдаты не оправались от перенесенных ими невзгод. Спешил, потому что боялся (именно так объяснил себе Публий нетерпение отца), что хитрый Карфагенянин опять сумеет уйти от него. В этом случае такая важная для Сципиона победа (неудача на Родане не давала ему покоя) могла от него ускользнуть, и все лавры ее достались бы армии второго консула, Тиберия Семпрония Лонга, который уже выступил на соединение со своим коллегой. Известие, что сенат «отложил до лучших времен» вторжение в Африку и послал Семпрония на помощь Сципиону, настигло их войско у южного берега Пада, что и стало причиной всех последующих событий.

Подталкиваемый опасениями разминуться с Ганнибалом, консул двинул армию вдоль русла Тицина. Впрочем, марш оказался коротким. В подходящем месте Сципион приказал навести для переправы мост и построить для его защиты укрепление. Когда укрепление и мост были готовы, армия переправилась на правый берег реки и разбила лагерь. К этому времени разведка донесла, что войско Ганнибала в пяти милях от них. Сципион воспрянул духом: он выследил-таки своего волка и теперь не даст ему уйти от сражения.

На второй день, незадолго до совещания, командующий выступил перед солдатами с речью. Она была длинной и воодушевляющей, такой, какой и должна быть речь настоящего лидера, готового повести за собой массы людей. Консул начал с того, что напомнил о главном: они уже били пунийцев и раньше, сейчас же их враг обескровлен и утомлен. Затем он возвысил голос, призывая солдат не верить слухам, но осознать, что победа близка, что она практически у них в руках, стоит только поверить в себя и проявить отвагу. Публий видел, как горели глаза у слушавших отца легионеров и воинов из союзников. Он и сам зажегся пылкостью слов

родителя, решив во что бы то ни стало принять участие в предстоящей битве. Его уже давно изматывало желание вынуть из ножен меч и ринуться навстречу врагу. Как, впрочем, и других римлян, собравшихся тогда на площади...

– Не стоит думать, что Ганнибал проявил нечеловеческую волю, проведя свою армию через Альпы, – продолжал говорить Сципион, надеясь еще более ободрить своих офицеров. – У него не было другого выхода. И в результате он потерял значительную часть своего воинства. А те, кто уцелел, до сих пор страдают от холода и недостатка еды. Лошади же его кавалерии находятся в таком плачевном состоянии, что вряд ли вынесут даже короткий переход. – Он выдержал паузу, не обделив своим пронзительным взглядом ни одного из собравшихся в палатке командиров, и подвел итог: – Вот что я скажу: нам повезло, что у нас есть такие преимущества над неприятелем. И это неоспоримый факт!

Публий вышел из палатки последним, кивнув отцу и не проронив ни слова: мысли консула уже унеслись куда-то за пределы лагеря, скорее всего на поле грядущей битвы, – это явственно проступало на его отстраненном и в то же время напряженном лице. Оставив родителя размышлять в одиночестве, Публий решил пройти перед сном по лагерю. У палатки скучал Элий, но предлагать ему даже короткую прогулку не имело смысла. «Этот и шага не ступит, будет стеречь покой господина всю ночь», – сказал он себе и зашагал вдоль ровных рядов палаток. У ближайшего костра ночной стражи чернели три силуэта. Когда Публий приблизился к нему настолько, что можно было разобрать негромкие голоса, им овладело любопытство, и он застыл на месте, боясь невольно оборвать речь одного из часовых.

– Говорю вам, мне рассказал об этом сражении один из всадников, что прибыли из Массилии с командующим, – говорил тот приглушенным голосом. – Ему можно верить, да и какой смысл выдумывать... Так вот, наша кавалерия сошлась с конницей пунийцев в кровавой сече. Силы были почти равные. Но в конце концов пунийцы дали деру, оставив на поле боя своих убитых и раненых товарищей.

– А где это случилось? – произнес другой голос, видимо, совсем еще юного legionera.

– Сказал же, в Массилии, где-то на берегах реки... как там ее... Родан.

– Не знаю такой.

– И не узнаешь, пока не побываешь! – приглушенный голос хохотнул. – И вот что получается, парни: если мы уже били этих африканцев, то побьем и в этот раз. А не поймут – будем бить, пока не сбегут обратно за Альпы.

– Какие Альпы! – вмешался в разговор третий голос. – Закопать их прямо здесь, в Галлии, всех до... – Он не договорил, вместо этого вскочил, как ужаленный, выставив перед собой копье. – Да что это за... Демоны ночи! – сорвался с его губ крик, что разбудил бы и мертвого.

Словно явившийся из недр Аида, черной тенью по лагерю несли матерый волк. Бодрствовавшие воины с криками шарахались в стороны, кто-то оступился и упал в костер. В ночное небо взлетел сноп искр и человеческий вопль. Волк же, не обращая внимания на пламя костров и мечущихся людей, мчался между палаток подобно злему, несущему смерть демону. Он сбил с ног оказавшегося у него на пути солдата и вцепился в руку второго, попытавшегося ударить его мечом. Затем в стремительном прыжке повалил в траву еще одного и впился клыками в горло несчастного. Воздух разорвал такой душераздирающий крик, что, казалось, треснуло и разлетелось на мелкие осколки небо. А волк меж тем продолжил свой бег к палатке, у которой стоял Публий.

Животный ужас буквально приковал юношу к земле. Он хотел пошевелить ногами, сдвинуться с места, но не мог – ноги словно окаменели. И когда чудовищу в образе волка оставалось до него не более двух прыжков, часовой метнул копье. Оно пролетело над загривком зверя, лишь слегка оцарапав его, но этого хватило, чтобы волк метнулся в сторону. В него полетело еще одно копье, подкрепленное крепким ругательством. Волк взвыл и, опалив ярост-

ным взглядом торчащее из земли древко, нырнул в черный провал ночи. А уже через минуту темная стена леса поглотила его совсем.

– Благодарю, – сказал Публий подбежавшему к нему часовому, тому, что первым метнул копье, и удивился, насколько спокоен и тверд его голос.

– А ты, юноша, храбрец! – Воин смерил его оценивающим взглядом, затем хмыкнул: – Либо безумец! Надеялся задушить матерого хищника голыми руками?

Публий только сейчас осознал, что не вооружен. На нем даже не было доспехов. Не помешай атаке волка пилумы часовых, лежать бы ему на земле с разорванным горлом. Он еще раз благодарно кивнул:

– Назови свое имя, легионер, я запомню его.

– Квинт. Квинт с Авентина! – Воин улыбнулся: – Всегда к твоим услугам.

Неожиданно, словно из-под земли, рядом возник Элий с обнаженным кинжалом в руке и с таким решительным видом, какого Публий на его лице еще не видел.

– С тобой все благополучно, господин?! – выпалил он, с подозрением косясь на часового.

– Все хорошо, Элий. Мне помогли эти достойные солдаты. – Публий качнул головой в сторону часовых. – Один из них проводит меня.

Элий буркнул что-то себе под нос и ушел, на ходу убирая кинжал в ножны. Публий повернулся к Квинту:

– Не составишь мне компанию?

Легионер, уже догадавшись, кто перед ним, вытянулся в струнку:

– С радостью, командир!

Публий усмехнулся:

– Я пока еще не командир. Но надеюсь им стать.

* * *

История с волком, явившимся из ночи и канувшим в нее, при этом успевшим искусать двух солдат, разлетелась по лагерю со скоростью лесного пожара. В довесок к ней рано утром произошло еще одно странное событие: на дерево, росшее рядом с палаткой командующего, сел рой диких пчел, не особо агрессивных, но все же... Такая череда дурных предзнаменований, да еще накануне сражения, не могла остаться без внимания, и воинами овладело уныние. По лагерю поползли разговоры, что с битвой нужно подождать или вообще поискать для нее другое место – это, мол, проклято богами, о чем они недвусмысленно дали понять.

Узнав о тревожных настроениях в своей армии, консул Сципион долго не размышлял. Этим же утром он преподнес в дар Марсу и Юпитеру двух годовалых ягнят и объявил собравшимся у жертвенного алтаря офицерам и солдатам, что «боги хотели напиться крови, и они ею насытились; теперь же пришел ИХ черед насытиться кровью врага».

Публий мог только догадываться, насколько сильно повлияли подношения богам на внутренний дух воинов, но, судя по оживившимся лицам, необходимый эффект был достигнут. Возымело свое действие и бодрое поведение отца – для солдата любой армии всегда важно моральное состояние его командира, приказы которого ему предстоит выполнять.

Туман еще висел над Тицином, когда консул в сопровождении кавалерии и большого отряда велитов покинул лагерь. Публий держался рядом с отцом, отчетливо понимая, что их вылазка имеет целью не только осмотреть место предстоящего сражения, но и показать подчиненным, уже выстраивавшимся в лагере в боевые колонны, насколько отважен и уверен в своих действиях их главнокомандующий. Для самого Сципиона обе эти цели, скорее всего, имели равнозначный вес, иначе он не возглавил бы разведывательный рейд.

Лошади не пронесли их по пожухлой траве долины и двух миль, когда впереди стало различимо клубящееся облако пыли. Еще через милю облако начало оседать. К этому часу рассеялся и туман, обнажив пологие берега Тицина и ошетилившийся частоколом лагерь римлян.

– Карфагеняне! – воскликнул декурион головной турмы, обернувшись к консулу так резко, что жеребец под ним привстал на дыбы.

Серые клочья пыли расплзались по земле, являя римским кавалеристам двигавшуюся прямо на них темную массу всадников. Вне всяких сомнений, это была пунийская конница, растянувшаяся не только вглубь, но и по фронту. Она двигалась неторопливо и осторожно, словно выслеживала в пойме рек свою добычу. Ехавший впереди всадник, в черном, как и его конь, плаще, увидев римлян, вырвался вперед. Гарцуя перед строем своих воинов, он какое-то время всматривался в тех, с кем определенно искал встречи. Затем вскинул руку и что-то прокричал, видимо, отдавая команды.

Консул принял решение мгновенно. Развернувшись на лошади, он приказал декуриону отправить в лагерь вестового с донесением о неприятеле и встретился глазами с сыном.

– Я знаю, я уверен, это ОН! – сказал негромко, но твердо, и Публий без уточнений понял, о ком он говорит. – Бери первую турму из легионной кавалерии и займи вон тот холм. – И указал глазами на поросшую редким кустарником возвышенность.

Публий хотел было возразить, но по суровому, сосредоточенному лицу отца понял, что это не только бесполезно, но и несвоевременно. Его отряд взлетел на пригорок, как стая птиц, и рассредоточился по его вершине – каждому хотелось увидеть, как сойдутся в первом бою кавалерии Рима и Карфагена.

Между тем конница Ганнибала перестроилась и нарастила движение. При этом фланги лишь немного ускорили бег, в то время как центр перешел в стремительный галоп. Плотная стена всадников неслась вперед, гремя амуницией и оружием; подобно гулу приближающейся бури стучали по промозглой земле сотни копыт.

– Иберы! – Декурион, находившийся подле Публия, потянул из ножен меч, мотнул головой. – Ганнибал надеется раздавить нас с налета тяжелой кавалерией! – Он переместил острие меча на фланги. – Не нравятся мне эти всадники... Они не выглядят изможденными...

Публий не ответил – не смея оторваться, он наблюдал за тем, каким образом распределяет свои силы отец. На первую линию, встречающую врага, выехали галльские всадники в сопровождение велитов. За ними выстроились римская и лучшая союзная кавалерии. Пофыркивали кони, звякала сбруя.

Тем временем разделяющее войска пространство сокращалось до критических пределов, и с каждым ударом сердца оно становилось все меньше и меньше. Теперь Публий уже сомневался, что хотел бы оказаться на месте тех, кто примет на себя лобовой удар мчащейся, как лавина, конницы.

Когда позволило расстояние, велиты выбежали вперед и метнули во врага дротики. Иберийские всадники ответили таким боевым кличем, что вздрогнула земля и застрельщики, дрогнув, побежали обратно, под защиту галлов. Они остановились, лишь влившись в промежуток между конниками, а некоторые и вовсе выскочили к тыловой линии.

– Трусливые псы! – негромко выругался декурион.

Публий промолчал, но в душе не мог с ним не согласиться. А бой тем временем вошел в первую настоящую фазу. Иберы налетели на галлов с грохотом, лязгом и ревом; дико заржали кони, зазвенело железо. Всадники перемешались, превратившись в сплошной бурлящий поток. Его края, расплзаясь, подкатывали к холму, и с возвышенности Публий мог видеть отдельные моменты схваток – жестоких, кровавых, неистовых.

У велитов, оказавшихся в гуще своих и чужих кавалеристов, не осталось другого выхода, как ввязаться в бой. Они скользили, как тени, кололи лошадей врага дротиками, вспарывали им животы и подрезали ноги мечами. Иберы падали на землю, под копыта обезумевших коней

как римских, так и своих же товарищей. Тот, кому удавалось вскакивать, продолжал сражаться всем, что оказалось под рукой. Иногда это были просто пальцы, намертво смыкавшиеся на горле противника. Перемешалось все: лошади, люди, раненые и мертвые. Но даже в этом океане хаоса становилось очевидным, что галлов теснят ко второй линии.

Консул не стал ждать, когда лавина отступающих галлов и застрельщиков сметет его ровные ряды, и повел римские турмы вперед, оставив конницу союзников защищать тыл и прикрывать фланги. Сердце Публия едва не выскочило из груди, когда на его глазах, точно корабельный таран, римляне врезались в пульсирующую, гремящую, изрыгающую нечеловеческие вопли массу...

Дико всхрипывая и мотая головой, из этого жуткого живого океана вырвался белоснежный красавец-конь. Он нес на себе тело хозяина, безжизненное, с безвольно раскинутыми руками и бьющейся о круп окровавленной головой. По кожаной шапочке, заменявшей шлем, Публий догадался, что это ибер. Но ничего, кроме внутренней пустоты, не испытал. И тут же выругал себя за то, что отвлекся, – он выпустил из вида отца. Лишь когда глаза отыскивали высокий гребень отцовского шлема, мелькавший в гуще сражения красным пятном, он облегченно выдохнул.

Тем не менее далеко продвинуться консулу не удалось. Его турмы словно выталкивали из битвы, не давая окончательно завязнуть в ней. Видимо, иберы заметили знатного римского командира и, сгорая от желания стяжать славу, при этом мешая друг другу, пытались пробиться к нему. Защищая своего командующего, уже пал с лошади не один римский кавалерист. Однако иберы продолжали насаждать, и чем выше росла гора трупов вокруг Сципиона, тем яростней становился напор врагов.

В конце концов одному удалось прорваться, он оказался с консулом на расстоянии удара. Воздух разрезал меч, но его лезвие наткнулось на щит Элия. А в следующее мгновение срубленная рабом рука полетела на землю – одеревенелые пальцы так и не выпустили рукоять. Ибер вскрикнул и свалился с лошади, а его место тотчас занял другой. В этот раз выпад копьём отбил сам Сципион, перерубив клинком деревянное древко. Его противник оскалился и, приняв на щит удар Элия, издал воинский клич. В выброшенной вперед руке мелькнуло короткое и тонкое железное копьё, и меч консула лишь скользнул по металлу. А наконечник копья уже входил под нижний срез нагрудника. Сципион пошатнулся и свалился бы с лошади, если б не находившийся рядом кавалерист, поддержавший его. Элий, рыча, как разъяренный лев, достал-таки ибера ударом меча, практически перерубив тому шею. На них налетела еще пара всадников, но римляне плотно закрыли своего командира щитами. Озверев, враги возобновили атаки, не прекращая их ни на миг. Их становилось все больше и больше, а число римских кавалеристов таяло на глазах...

Публий видел, как пал с коня декурион, и больше не мог на это смотреть, не мог дальше бездействовать. На его глазах погибал отец, которого он уважал и любил всем своим сердцем, но, прежде всего, погибал командующий их армией! Их консул!

– За мной! – выкрикнул он охрипшим от волнения голосом и ударил пятками в упругие бока жеребца.

Его скакун, прядая ушами, сбежал с холма и, набирая темп, помчался вперед. Колющие потоки воздуха обжигали Публию лицо, из-под шлема выкатились первые капли пота, и он ощутил уголками губ особую соленость влаги, рожденной его отчаянием, страхом, ужасом. Не услышав позади себя стука копыт, он обернулся: турма все еще оставалась на вершине холма, не решаясь ввязываться в драку. Но ему самому отступать было уже поздно.

– Защитим консула! – заорал он так, что надорвал глотку, и подстегнул коня, весь сосредоточившись на схватке.

Публий уже не имел возможности видеть, он мог только слышать, как декурион командовал «Вперед!», как загрохотали по склону холма копыта римских лошадей, а затем спину словно окатило горячей волной – за ним все-таки пошли, его не оставили одного...

Он подоспел как раз вовремя, чтобы нанести рубящий удар между лопаток ближайшему всаднику. Тот замахивался коротким железным копьем, нацеливаясь в консула, но удар Публия повалил его на шею лошади, оружие выпало из руки, а белая туника на спине моментально пропиталась кровью. Еще один ибер попытался достать Публия мечом, но конь юноши шарахнулся в сторону, и клинок разрезал пустоту. Всего на пару секунд противник открылся, но этого хватило, чтобы меч римлянина проткнул его печень. Публий так и не понял, как это у него вышло. Он действовал по инерции, в пылу рукопашной спасая свою жизнь. Хотя, пожалуй, о ней он сейчас думал меньше всего. Все его мысли были об отце, о его безопасности...

– С нами Марс! – раздался у него за спиной раскатистый, как удар грома, клич декуриона, и жеребец офицера на полном скаку буквально смёл иберийского всадника, вставшего у него на пути. Лошадь и наездник рухнули на землю, а декурион, придерживая жеребца, коротко выдохнул: – Мы с тобой, Сципион!

На краткое мгновение их глаза встретились, но Публий успел разглядеть в них суровое одобрение воина, не ожидавшего от юнца такой отваги, а в следующий миг их поглотил водоворот боя.

Окружившие Сципиона иберы не сразу поняли, что их атаковали с тыла. А когда осознали опасность, было уже поздно. Римляне прорубились к командующему, оставив под копытами своих лошадей с два десятка мертвых и изувеченных тел. Но еще далеко не все было закончено. Консул едва держался в седле. Поддерживая его, из последних сил отражал удары израненный кавалерист. С другой стороны, прикрывая господина щитом, рубился Элий. Его меч потемнел от крови врагов, а собственная кровь густым потоком струилась из глубоко рассеченного лба; она заливала лицо, делая его похожим на зловещую маску. Первая вспышка ярости у Элия прошла, уступив место холодному расчету. Клинок лигурийского раба рассекал воздух голубой молнией и опускался на головы иберов с такой силой, что у тех трескали, раскалываясь, щиты, а у тех, кому не повезло, – черепа. Публий подскочил к ним в тот момент, когда кавалерист турмы, окончательно обессилив, упал с лошади, и прикрыл отца собственным телом. К счастью, острие копья лишь царапнуло ножны меча и ушло в сторону, а вот консул, лишившись поддержки, начал заваливаться на бок. Публий успел подставить плечо, словно в тумане, выхватывая краем зрения, как римские всадники выстраивают заслон.

– Берем командующего в кольцо! – распорядился в пылу схватки декурион. – Отходим к тылу, ребята!

Их отряд, продолжая отбиваться от противника, медленно выкатывался из свалки. Особенно отчаянные иберы не оставляли попыток достать римского командира, но все они наталкивались на непробиваемую стену: оставшиеся в живых кавалеристы турм дрались, как в последний раз, решив умереть, но не позволить врагу пленить своего командующего.

– Чтоб мне провалиться! – выругался декурион, указывая мечом назад. – Флангов больше нет! И тыла!

Публий обернулся... и с трудом заставил себя не вскрикнуть. Конница союзников, прикрывавшая их с тыла и флангов, рассеялась по полю, точно унесенные ветром опавшие листья. Сбежали и те из застрельщиков, кто еще оставался вне битвы. Плотные орды пунийских всадников, орущих, свистящих и гикающих, не стали никого преследовать, они смыкали кольцо вокруг тех, кто принял бой. Зрелище было ужасное, и Публий решил, что это конец. О боги! Они же намеревались разгромить Ганнибала, но никак не проиграть ему в первом же сражении! Проиграть с позором!

Меж тем свежая конница противника не спешила атаковать, что выглядело по крайней мере странно. Она не перешла в нападение даже тогда, когда прозвучали кавалерийские рожки, призывающие римлян начать отход (уже теряя сознание, консул успел отдать на него приказ).

– Отступаем! – скомандовал Публий, и в этот раз кавалеристы подчинились не раздумывая.

Они отходили в молчании, образовав вокруг раненого командира плотное кольцо. Одновременно к ним оттягивались галльские всадники, покидавшие уже бессмысленное место схватки. Иберы, которым досталось в этом бою не меньше галлов, выдерживая безопасное расстояние, с угрюмым видом двигались следом. Все это напоминало передышку перед началом более кровавого побоища, и каждая минута жизни казалась благословенным даром богов. Минуты эти растягивались, как нескончаемая череда мрачных картинок, порождая гнетущую тревогу в области сердца, но вместе с тем и слабую надежду, что атаки врага не последует вовсе.

Публий понял, что, собственно, произошло, когда они наконец вышли в пределы видимости лагеря. Всадники Ганнибала, прогнавшие их кавалерию, выглядели так, будто явились на землю Италии из самых глубин подземного мира. Под темными плащами виднелись белоснежные накидки, которые покрывали смуглые, почти черные тела. А на таких же черных, демонических лицах белым огнем горели дикие, звероподобные глаза. Но больше всего Публия поразили две вещи – длинные тонкие копья всадников, выглядевшие более чем смертоносно, и то, как ловко они управляли лошадьми, не имея при этом поводьев.

– Нумидийцы! – сказал декурион так, что юноша услышал, как скрипнули его зубы.

– Ты уже имел с ними дело? – заинтересовался Публий, передавая отца заботам Элия.

– А то! – Офицер вперил настороженный взгляд в орду диких всадников. – Пришлось столкнуться с ними разок у Родана.

– Так ты из того отряда, что был послан консулом на разведку? В Массилии!

– Так точно, командир, из того самого. И счастлив, что уцелел.

– Я не совсем тебя понял, декурион.

– Эти дети пустынь – сущие демоны, – попытался объяснить офицер. – Они словно родились верхом на лошади. Таких ловких наездников и верховых бойцов я еще не встречал. Не хотел бы опять встретиться с ними в бою.

– Теперь понятно, что так испугало нашу отважную кавалерию, – усмехнулся Публий, с горечью подумав о том, что отец, имея сведения об этих свирепых всадниках, не придавал им значения и в результате (что было непростительно при его положении) недооценил конницу Ганнибала. Досада на самонадеянность отца, на собственное безрассудство (в своих грезах он уже видел, как преследует бегущего в страхе неприятеля на быстром сером жеребце) рвала на части душу. Из этого угнетенного состояния его вывел Элий, чему Публий откровенно обрадовался.

– Господин желает говорить с тобой! – сообщил раб, даже не пытаясь скрыть облегчения на залитом кровью лице.

Они были странным образом близки, патриций Корнелий Сципион Старший и его раб-телохранитель, лигуриец Элий. Связь эта была почти неуловима, даже домочадцами, и только острый глаз Публия выхватывал иногда во взгляде отца короткие вспышки гордости, смешанной с теплотой, когда тот, оставаясь в тени портика, наблюдал за тренировками парня. Чем были вызваны проявления такого необычного внимания, Публий не знал, да и не вникал в суть происходящего, объясняя все возрастной блажью родителя, взрастившего лично для себя преданного ему душой и телом охранника.

– Какая ситуация на поле боя? – слабым голосом – он заметно терял силы – осведомился консул.

– Нет никакого поля боя, – наклонившись к нему, сообщил Публий, – мы отступаем, отец.

– Отступаем, – повторил Сципион и прикрыл веки. – Значит, мы не разбиты, что уже хорошо. А что пунийцы?

– Они не решаются атаковать. Мы отходим, по возможности сохраняя боевые порядки.

– Кто... кто бежал? Я хочу знать прямо сейчас. – Слова давались консулу с трудом, он тяжело дышал. – Скажи мне правду, мой мальчик.

– Конница союзников оголила фланги и тыл. Правда, в тылу оставались и римские велиты.

– Это уже не имеет значения: римские... союзные... Его кавалерия оказалась лучше!

– Тебе не стоит сейчас разговаривать, отец, – мягко напомнил Публий, испугавшись, что у родителя начнется кровотечение. – Побереги силы.

Сципион приоткрыл веки и взглянул на него как-то по-особенному, как не смотрел до этого дня ни разу.

– Ты проявил мужество и отвагу, Публий. Мужество и отвагу настоящего мужчины. – В уголках его глаз показались прозрачные слезинки. – Я горжусь тобой, сын...

Он опять закрыл веки и уже не говорил, лишь продолжал тяжело дышать, покачиваясь в ритм шагов лошади, припав к ее гриве. Публий обернулся к Элию (телохранитель ехал рядом с господином, поддерживая его за поясной ремень).

– Рана не смертельная, но глубокая, – ответил тот на его немой вопрос. – Легионный лекарь должен справиться.

Публий еще раз посмотрел на ранение отца: чуть выше левого бедра, под самым срезом нагрудника, зияла черная дыра с запекшейся по краям кровью. Затем перевел взгляд на приближающийся частокол лагеря. До него оставалось меньше мили, а нумидийцы, будто хищные звери, преследующие подраненную добычу, все еще двигались параллельно. Они не выказывали желания напасть, но алчный блеск глаз говорил о многом. И в первую очередь о том, что сдерживает их только приказ, строгий приказ человека, которого они считают своим богом.

Глава 4

Рана Сципиона оказалась довольно тяжелой, однако жизни его не угрожала. Главный войсковой хирург лично промыл ее, обработал и наложил швы, не доверив тело командующего никому из своих помощников.

– У консула, скорее всего, начнется лихорадка, он может бредить, – предупреждал он, заканчивая с повязкой, – но это нормально. Самой трудной будет эта ночь. Дальше он пойдет на поправку, хотя скорого выздоровления не ждите.

В палатке присутствовали высшие командные чины, преторы Манлий и Атилий, и, разумеется, Публий. Когда хирург ушел, оставив у походной кровати раненого одного из помощников – для приготовления и прикладывания компрессов, – Гай Атилий, сложив за спиной руки и качнувшись с носков на пятки, произнес:

– Хвала богам, угрозы его жизни нет. Но нам все равно придется выбрать командующего. – Он смотрел исключительно на Луция Манлия и, заметив коснувшуюся лица коллеги тень, поспешил добавить: – На то время, пока консул будет прикован к постели.

– В нашей ситуации это исключительно правильная мера, – с явным облегчением согласился с ним Манлий.

– Как будем голосовать? – Атилий улыбнулся, видимо, заранее зная ответ своего боевого товарища.

– Зачем это?! – отмахнулся Манлий. – Ты стоял во главе наших легионов до того, как их принял Сципион, тебе и командовать!

– Спасибо за доверие, претор. Что ж, взвалю на себя... временно эту ношу.

– Не думал же ты, что я буду претендовать на лидерство, после того как получил хорошую трепку от боев и инсубров, этих грязных варваров! Сейчас же нам противостоит организованное войско, возглавляемое довольно неплохим, как мы смогли убедиться, полководцем.

– Разумеется, не думал. Но не будем шуметь у ложа раненого. – Атилий легонько кивнул Публию. – За ним есть кому присмотреть, а нам с тобой необходимо обсудить текст послания в Рим.

При упоминании «послания в Рим» Манлий заметно сник, и было от чего. Очередное поражение за время его военной службы не прибавляло претору чести. И как результат – репутации Манлия в Риме мог быть нанесен ощутимый урон, после чего о политической карьере, скорее всего, можно было забыть.

– Уже уходим! – с подчеркнутой вежливостью проговорил он и первым шагнул из тамбура палатки наружу.

Публий остался один, не считая помощника хирурга, худосочного юноши, который подремывал на раскладном стульчике рядом с кроватью консула. Он сделал по тамбуру несколько шагов, остановился и неожиданно для себя сделал открытие: а ведь уже к утру по лагерю будут ходить заметно приукрашенные истории и о кровавом столкновении галлов с иберами, и о героическом спасении командующего, где не обошлось – кто-то обязательно об этом скажет – без помощи всемогущих богов. Решив, что после снадобья хирурга отец какое-то время будет крепко спать, Публий покинул палатку, намереваясь пройтись по лагерю. Спать он не хотел совсем – возбуждение после пережитого этим утром еще не ушло, – поэтому вечерняя прогулка была именно тем, в чем он сейчас нуждался больше всего.

У выхода он столкнулся с Элием. Тот нес в руке котелок с водой и явно спешил к ложу своего господина.

– Я ненадолго, – бросил ему Публий и зашагал к рядам солдатских палаток.

Ноги сами привели его к той из них, у которой на него едва не налетел волк. Воспоминание об этом происшествии, совсем еще свежем, уже не казалось таким неприятным, напо-

тив, заставило его улыбнуться. Он словно увидел себя со стороны – застывшим, как истукан, с выпученными глазами и подломившимися коленками. Впрочем, коленки у него, насколько Публий помнил, не дрожали... в отличие от мурашек, метавшихся по всему телу.

У только что разведенного костра сутились четыре легионера, судя по возрасту и обмундированию, из когорт принципов. Один прилаживал над огнем медный котелок, другой следил за костром, подпитывая его сушняком, третий разделявал на ошкуренном бревне часть бараньей туши. Он ловко управлялся с гладием и в мгновение ока разделил ее на четыре равные части. Бросив мясо на деревянный поднос, подставленный четвертым легионером, он выпрямил спину и с облегчением произнес:

– Теперь осталось дожидаться, когда оно сварится.

Грубоватый голос Квинта Публий узнал сразу, и настроение его заметно улучшилось.

– Сперва должна закипеть вода, торопыга! – со смешком ответил ему тот, что подбрасывал в костер ветки, и Публий решил, что пока понаблюдает за ними со стороны.

– Нашел проблему! – не остался в долгу Квинт. – У меня воспламеняющий взор. Гляну – и вода вмиг закипает!

Легионеры рассмеялись, рассаживаясь вокруг костра. Языки пламени уже приплясывали, неуловимо быстро меняя свои нарядные цвета – белый, оранжевый, желтый. Потрескивали, словно возмущенные жучки, веточки сушняка. Картина была настолько мирной и уютной, что Публий почти ощутил тепло домашнего очага. Он плотнее запахнул плащ, вспомнив, что не знает, когда вновь увидит свой дом, а с ним и Великий Рим, и когда, наконец, покинет эти далекие и промозглые северные земли...

Тем временем у костра разгорался спор.

– Мы бы одолели этих африканских дикарей, был бы только приказ! – утверждал легионер, помешивавший деревянной ложкой парующее варево.

– А ты видел их длинные копья? И видел, как дала деру только от одного их вида наша конница?! – возразил ему тот, что принес поднос с мясом, невысокий крепыш с кривым носом.

– А вот это нам для чего? – Его оппонент кивнул в сторону сложенных у палатки щитов. – Скуту, мой друг, для того и придумали, чтоб тебя не проткнуло такое вот копьё. – Он хмыкнул. – Или поменьше.

– Можете спорить, сколько хотите, хоть глотки надорвите, – вмешался в спор Квинт, – но я считаю, что претор Гай Атилий принял верное решение не покидать лагерь. Возможно, именно ему мы обязаны тем, что сидим здесь живыми и ждем, когда сварится это треклятое мясо, а не кормим ворон на том поле. – Он посмотрел в сторону ворот лагеря, в которые так и не вышли пешие колонны римлян.

– Присоединяюсь к твоим словам, дружище, – сказал воин, следивший за костром. – Трудно сказать, сколько бы полегло наших, ввяжись мы в драку. И еще неизвестно, чем бы все закончилось. Галлы вон долго еще будут зализывать свои раны, а они превосходные бойцы!

– Да, галлам досталось в той схватке, – протянул кривоносый, почесывая подбородок, и тут же оживился: – А консул наш – смельчак! Ринулся в самую гущу битвы, чтобы поддержать их!

– И чуть не погиб! – подбросив в костер очередную ветку, мрачно напомнил его товарищ.

– Он должен был сбежать вместе с нашей конницей?

– Не должен. Но подвергать опасности свою жизнь командующий армией не имеет права. Наше счастье, что Атилий дружит с разумом. А окажись на его месте кто другой?! Ринулся бы прямо волку в пасть... и все, подошвы Марса мне в зад, всем крышка!

Квинт хохотнул и хлопнул приятеля по плечу.

– Как бы то ни было, но консул Сципион жив. И спас его, как слышал я от кавалеристов той турмы, собственный сын... Младший из них, кажется.

– Я тоже слышал об этом. – Легионер, что следил за варевом, воздел к небу ложку. – Говорят, он проявил отвагу не по своим годам! Сам повел турму на помощь отцу.

– А вот это действительно поступок, достойный уважения, – сказал воин, следивший за костром.

– Скажу вам больше, парни... – Квинт подался вперед и понизил голос, – я лично знаком с этим юношей.

– С сыном Сципиона?! И когда ты успел, проныра?!

– Так и ты его знаешь! Помнишь бешеного волка накануне битвы?

– Ну, помню... – Веточка в руке легионера застыла на полпути, брови поползли вверх. – Так это тот офицер, которого мы спасли от зверя?!

– Тот самый. А я еще проводил его до палатки. Вспомнил?

– Вспомнил, вспомнил. Так это что получается?! Если бы не наши пилумы, консул бы наверняка погиб в сражении? Я имею в виду, сын бы его уже не спас, поскольку лежал бы у нашей палатки с разорванным горлом.

Квинт пожал широкими плечами, посмотрел на небо, потом изрек:

– Можно и так сказать. На все воля богов.

Публий слышал все до последнего слова. Сама мысль, что по какой-то причине он мог отсутствовать на том злополучном холме, привела его в ужас. Действительно, если бы не копья легионеров, все могло повернуться иначе: мог погибнуть командующий и могла покрыться позором вся его армия, бежавшая с поля боя. Он прогнал дурные мысли, убедив себя, что боги наблюдают за ним, всегда наблюдали, поэтому и в будущем будут его оберегать. В неожиданном порыве он вынул из-за пояса нож в дорогах, отделанных серебром ножнах, и вышел из тени. Увлеченные беседой мужчины заметили его, когда он уже вплотную подошел к костру. Первым отреагировал дежурный по котелку, вытянувшись, как положено при встрече с офицером, в струнку. За ним повернули головы остальные.

Квинт вскочил раньше других, с таким растерянным лицом, словно увидел потерянного в детстве брата, которого уже не надеялся повстречать.

– Командир! – Его рот растянулся в улыбке, обнажив ряд крепких белых зубов.

– Я, собственно, вот зачем. – Первоначальная решимость Публия отступила, он замаялся, но усилием воли опять взял себя в руки и протянул легионеру нож. – Прими от меня в знак благодарности за твой удачный бросок.

– Но я ведь не убил того волка! – еще больше опешил Квинт, не отводя глаз от резной рукояти и дорогих ножен оружия.

– Так и на меня он не напал!

Меткая шутка Публия разрядила обстановку. Мужчины смеялись, как будто были знакомы сто лет. Сосед толкнул Квинта локтем в бок, и тот наконец взял нож из рук юноши.

– Еще раз спасибо, – сказал Публий.

– Всегда к твоим услугам, командир, – кивнув, ответил Квинт.

Публий возвращался к преторию в прекрасном расположении духа. Он старался напеть про себя грубую солдатскую песенку, но не мог вспомнить ее слова. Тогда он посмотрел на звезды и обнаружил, что они весело подмигивают ему. Казалось, ничто не могло омрачить его приподнятого настроения: ни поражение в первом столкновении с пунийцами, ни связанные с этим унылые настроения в лагере и даже ни ранение отца. Все стусевалось и отошло на задний план перед осознанием того, что его три раза за один день называли «командиром», а декурион турмы и вовсе обратился к нему не по родовому имени, Корнелий, а по личному имени их семьи, как обращался бы к его отцу: «Сципион». Но больше всего, что тешило его самолюбие (не самая плохая черта у патрициев), что согревало душу, – признание, как офицерами, так и простыми легионерами, его храбрости. Он спрашивал себя, не за этим ли признанием отправился в поход вместе с отцом. И не мог ответить прямо. Однако в глубине сознания ответ

был, и он ему нравился. Да, он шел на Ганнибала, чтобы обрести в глазах окружающих, и в первую очередь военных, это признание. Он шел в поход, чтоб испытать в мужском деле самого себя, узнать, на что он способен, когда придется обнажить меч. И все же, помимо всего этого, имелась еще одна веская причина, вырвавшая его из Рима, – любовь к Республике. Именно о ней он думал с особым трепетом. Разумеется, он не рассчитывал, что все планы так резко изменятся и придется столкнуться с врагом не в далекой Иберии, а на родной земле, в Северной Италии. Но был ли у него выбор, смог бы он наблюдать со стороны, как грязные подошвы пунийских сапог топчут поля его Родины?! Конечно, нет! И в этом была вся суть того, что Публий называл правдой, правдой по отношению к самому себе.

Стража у ограды претория отсалютовала ему. Он поймал себя на мысли, что принимает это как должное, хотя еще вчера был бы смущен. «Как удивительно быстро меняется мир!» – подумал Публий, входя в тамбур палатки, и с удивлением услышал надтреснутый, с придыханием, голос отца:

– Я в состоянии руководить армией! И я отдаю приказ: до рассвета покинуть лагерь, а переправу и укрепления разрушить!

– Но, Сципион, если пунийцы не пошли на штурм лагеря сразу, – пытался возражать Атилий, – вряд ли осмелятся на него в будущем.

– Только полный дурак будет бросать на стены кавалерию! – распалялся консул. – Завтра Ганнибал подтянет сюда свою пехоту и сожжет нас вместе с частоколом и палатками! Это ясно?!

– Это ясно, – подал голос Манлий. – Но разве мы не в состоянии оказать ему достойного сопротивления? Навяжем новую битву, подготовимся...

– Вас там не было! А я был! И вот что скажу вам, мои преторы: пунийская конница на порядок лучше нашей по боевым качествам и у Ганнибала ее больше. Ко всему этому, мы понесли в кавалерии значительные потери, а восполнить их, сидя в лагере, не представляется возможным. И что это значит?

Публий переглянулся с Элием. Телохранитель отца, похоже, и не покидал палатки; стоял у полога, закрывавшего вход в ее гостиную часть, и молчал. Однако в ясных голубых глазах его Публий разглядел мрачные тени, словно лигуриец уже предвидел будущие вихри непредсказуемой бури.

– Это значит, – начал отвечать на собственный вопрос консул, – что на открытой местности нам Ганнибала не победить. Его превосходство в кавалерии очевидно. Единственный разумный выход в нашем положении – отступить под защиту укреплений Плацентии. Что я и собираюсь сделать!

– Пожалуй, я соглашусь с тобой, – произнес наконец Атилий.

– Да, в этом есть здравый смысл. И не забывайте, что консул Семпроний уже покинул Сицилию и со свежими легионами идет к нам на помощь, – не преминул напомнить Манлий. – Объединив наши армии, мы, несомненно, разобьем этого Пунийца.

– Вот змей этот претор! – прошептал Публий. – Не упустил случай уколоть отца, даже раненого. Знает же о конкуренции между консулами, и не смолчал.

Элий двинул бровями, устремляя взор к потолку палатки.

– Боги все видят. Они награждают, они же и карают...

* * *

Еще до рассвета разрушив мост и башни укреплений, армия отходила на юг. Подойдя к Паду, римляне переправились по наведенному ранее мосту на правый берег реки и, не задерживаясь, выступили к Плацентии. Используя любую возможность задержать Ганнибала, кон-

сул приказал разрушить и этот мост. Он не сомневался, что Карфагенянин, обнаружив опустевший лагерь, не станет медлить и пустится в погоню.

На марше Сципиону стало хуже. Тряска на лошади не шла на пользу его ране, он побелел лицом и заметно ослаб. Любое предложение о кратком отдыхе, на котором настаивали войсковой хирург и офицеры его окружения, консул категорически отвергал. Он опять спешил, но теперь уже не на встречу с врагом, а от него, под надежную защиту римской твердыни.

Лишь увидев стены Плацентии, Сципион как будто ожил (поражение у Тицина подействовало на него удручающе, и за все время марша он едва ли обмолвился с сыном парой слов). Казалось, что даже ранение перестало его донимать. Он приказал разбить в виду города лагерь и укрепить его так, «чтоб у пунийцев дрогнули сердца».

Легкая кавалерия Ганнибала появилась под стенами Плацентии спустя три дня, покругила у частокола римских укреплений и умчалась, оставив за собой грязные клубы пыли.

– Они не решатся атаковать лагерь, он им не по зубам, – заверял Элия Публий, но, скорее, успокаивал подобным образом сам себя.

А еще через три дня к Плацентии подошла основная часть пунийской армии.

На какое-то время равнину перед городом заволокло плотными облаками пыли. Гул от тысяч копыт, ног и колес повозок стоял такой, что птицы уносились прочь, а мелкое зверье бежало в поля, не разбирая пути. Когда же эти облака рассеялись, покрыв голую землю серым ковром, глазам пораженных римлян предстало войско, выстроившееся в боевые порядки.

– Он вызывает меня на битву! – мрачно произнес консул, всматриваясь во вражескую армию, занявшую половину долины.

– Вне всяких сомнений! – утвердительно заявил Атилий. – Наглец! Надеется выманить нас за пределы укрепленной позиции.

Они наблюдали за карфагенянами из-за частокола, и Публий даже не сомневался, что напыщенная бравада претора – не больше чем показная игра, идущая от пожирающего его изнутри страха. Манлий в сложившейся ситуации казался умнее, потому что молчал. Самого же Публия больше всего заинтересовали огромные животные, стоявшие на флангах пунийской армии перед тяжелой конницей. «Слоны!» – изумился он размеру животных и тому снаряжению, что было на них. На спинах гигантов располагались башенки, за зубьями которых поблескивали на солнце шлемы воинов. Еще один человек, по всей видимости погонщик, сидел на шее слона, сжимая в руке нечто похожее на длинный металлический крюк. «Разве есть сила, способная остановить этих чудовищ?» – спросил себя Публий и услышал совет Элия, который словно прочитал его мысли:

– Я бы бросал им под ноги доски с гвоздями, а застрельщикам приказал сбивать погонщиков.

Публий обернулся, уставившись на раба в недоумении. Элий был старше его на шесть лет, а казалось, что на все двадцать. Крепкого сложения, с жестким лицом воина, какие обычно притягивают особую породу женщин, в нем, тем не менее, присутствовала почти неуловимая, дикая красота, доставшаяся ему, вероятно, от матери-лигурийки. По ходившим в их доме слухам, она была довольно миловидна, но умерла совсем еще юной, подарив жизнь Элию.

– Ты это сам придумал или кто подсказал? – спросил Публий.

– Еще в детстве слышал рассказы о походе в Италию эпирского царя Пирра, – ответил лигуриец. – У него в войске тоже были слоны.

– Точно! Я совсем выбросил из головы те давние битвы!

– Сражения не будет! – услышал Публий не терпящий возражений голос отца. – На равнине он растопчет наши пехотные когорты своей конницей и слонами. Именно этого он и добивается – что мы примем его вызов.

– Играет на нашей гордыне! – вставил свое слово Манлий, и Публий едва не рассмеялся, наблюдая, с какой важностью претор вскинул подбородок и сжал полные губы.

– Ты, безусловно, прав, – кивнул ему Сципион. – Но мы будем умнее, чем думает о нас Ганнибал, и не поддадимся на его провокацию.

– А что же наша собственная кавалерия? – без особой уверенности напомнил Атилий.

Консул тяжело вздохнул:

– Не сегодня. Время еще не пришло...

Публий возвращался к преторию с немногочисленной свитой отца. Держась позади военачальников, он всматривался в лица легионеров, провожавших их с той настороженностью, какая бывает у загнанного в угол человека, и настроение его мрачнело на глазах. Во-первых, он обнаружил, что в их армии очень много молодых рекрутов. И удивился, почему раньше не обращал на это обстоятельство внимания! Не имеющий боевого опыта солдат – слабая опора в битве, вряд ли на него можно делать большую ставку. Во-вторых, на лицах более зрелых, а значит, и более опытных воинов он не увидел и намека на воодушевление, какое должно бы присутствовать перед лицом ненавистного врага. Никто не горел желанием поквитаться за «позор» у Тицина, никто не рвался в бой. «Неужели все без исключения пали духом?» – спрашивал себя Публий и мрачнел еще больше.

Но по-настоящему испугал его угрюмый вид галлов, которые показали себя в первой битве с самой лучшей стороны. Возможно, и римских легионеров, и союзников испугали пунийские слоны? (Публий насчитал около трех десятков этих грозных на вид зверей.) Он задался двумя вопросами: «Много ли нужно таких животных, чтобы обратить в бегство целую армию? И как поступит Ганнибал, не вынудив своего противника выйти из лагеря, чтобы сразиться с ним?»

Ближе к вечеру Сципиону доложили, что карфагеняне разбирают палатки в миле от них. Ганнибал не изменил своего решения навязать римлянам бой...

В эту ночь заснуть быстро Публию не удавалось. Из головы не выходили слова Элия о досках с гвоздями и погонщиках слонов, без которых животные, скорее всего, станут неуправляемыми. Пришедший в конце концов сон не принес облегчения. Его носило над полем сражения, по которому метались потерявшие своих седоков кони; утопая в реках крови, изнемогая от усталости, сцепились в смертельной схватке воины, злые, испачканные в грязи, но жаждущие убивать. А потом по всему этому многоголосому, многоголовому рою прокатилась лавина из слонов. Она сметала на своем пути всех – и своих и чужих. Под тяжелой поступью гигантов вздрагивала земля, кричали раздавленные ими люди, дико ржали уносившиеся прочь лошади. Слоны подошли к реке, чтобы, преодолев ее, произвести опустошение и разгром в римском лагере. Публий стоял на противоположном берегу, не чувствуя ног, и смотрел в глаза вожаку – огромному самцу с налитыми кровью зрачками. Слон воздел к небу хобот, собираясь протрубить, и выдал такой протяжный и неимоверно громкий звук, что юноша вскочил с кровати...

В лагере происходило что-то недоброе. Слышались лязг металла, крики, топот многих ног и копыт. Публий, накинув плащ, выбежал из палатки. Со стороны главных ворот раздался сигнал тревоги, но он захлебнулся в новом реве голосов, вознесшемся к начинающему сереть небу.

«Меч! – вспомнил Публий и метнулся обратно в палатку. Под слабо мерцавшим светильником, на столбе подпорки, висел его гладий. Он сорвал перевязь с крючка, вырвал из ножен меч и уже твердой походкой вышел наружу. – Неужели пунийцы пошли на штурм лагеря?!»

В воздухе все еще витали отголоски криков и непонятной возни, которые не спешили стихать. Публий направился к палатке отца, находившейся рядом, в десяти шагах. Консул стоял у входа, выслушивая доклад стражника претория. Отпустив легионера, он повернул к нему встревоженное, но в большей степени измученное лицо (причиняемые раной боли вытягивали из Сципиона все жизненные силы).

– Лагерь покинули галлы, – объяснил он Публию причину суматохи.

– Как много? – осведомился Атилий. Он явился в полном боевом облачении и выглядел довольно воинственно.

– Мне доложили, что порядка двух тысяч пеших и до двух тысяч конников.

– Они вот так просто взяли и ушли?! – изумился Манлий, возникший из предутреннего сумрака, точно призрак ночи, в наброшенном на плечи белом плаще... или простыне.

– Они перебили стражу у центральных ворот, что выходят к неприятелю, – сообщил Сципион, не скрывая нарастающего в нем гнева, – и ушли, по всей видимости, к своим сородичам, что служат Ганнибалу.

– Предатели! – только и мог вымолвить претор, пораженный случившимся не меньше остальных.

Лишь Элий, не отходивший от консула больше чем на два шага, хранил на лице печать полного равнодушия. Во всяком случае, так Публию показалось.

– Меня тревожит не столько измена галлов внутри армии, – меж тем продолжал говорить консул, – сколько очевидная угроза выступления против нас других местных племен. Если все эти орды варваров присоединятся к Ганнибалу, наше положение станет куда опаснее того, в котором мы находимся сейчас.

– Что ты предлагаешь, Корнелий? – живо поинтересовался Гай Атилий.

– Сегодня, соблюдая осторожность, готовиться к смене позиции. А завтра, перед рассветом, покинуть лагерь.

– Опять бежать?!

– Сменить позицию! – едва не сорвался на крик консул, но пронзившая рану резкая боль заставила его схватиться за бок. – Мы отойдем на более благоприятные позиции, где кавалерия пунийцев будет лишена того превосходства, какое у нее есть здесь, на равнине, – продолжил он, с трудом выговаривая слова. – Атилий, Манлий, займитесь подготовкой к отходу, но скрытно. А мне нужно отдохнуть.

Преторы почтительно кивнули и удалились. А Публий помог Элию увести отца в палатку. Помощник лекаря подал ему болеутоляющий отвар, который Сципион регулярно употреблял последние дни, и он почти сразу уснул...

В четвертую стражу следующей ночи, без сигналов, римляне снялись с лагеря и выступили в направлении Требии. Эта река являлась правым притоком Пада, беря свое начало южнее и западнее Плацентии. Местность в ее долине изобиловала холмами и возвышенностями, затруднявшими передвижения конницы, а именно на такой ландшафт и делал ставку Сципион.

Ганнибал, обнаружив отход противника, выслал в погоню легкую кавалерию. Однако нумидийцы задержались в опустевшем лагере и, лишь насытив свою алчность, продолжили преследование. Добравшись до переправы, дикие сыновья Ливии обнаружили, что римляне уже на противоположной стороне реки и заняты обустройством нового лагеря.

– Опоздали вы, дети пустынь! – с усмешкой произнес Публий, наблюдая, как с руганью разъезжают по берегу Требии конники Ганнибала.

Вскоре они умчались, но он не сомневался, что в ближайшее время сюда явится со всем своим войском их командир, их бог.

Глава 5

– Это нечестно! – сквозь слезы возмущалась сестра Тита, утирая маленькими кулачками большие глазенки. – Ты никогда не берешь меня с собой!

– Послушай, Младшая, я бы тебя взял, правда, – утешал ее Тит, присев перед девочкой на корточки, – но там, куда мы с ребятами идем, можно получить по макушке. Оно тебе надо?

– А почему тогда с Аннием идет Хост? – Малышка вытянула указательный пальчик в сторону высокого нескладного парня, выглядевшего гораздо старше остальных мальчиков.

– Ему можно, сама знаешь почему, – насупился Тит.

Хосту, старшему брату Анния, недавно исполнилось двадцать, но, по сути, он все еще оставался ребенком, только большим и не по годам сильным. Ему ничего не стоило одновременно нести под мышками Анния и Тита или, ради удовольствия мальчишек, закатить во двор доверху груженную телегу. Прогулки с братом лежали в зоне ответственности Анния и, случалось, тяготили его. Но только тогда, когда они с друзьями замыслили какую-нибудь стремительную авантюру, в которой требовались сообразительность и исключительно быстрые ноги. Хост же, при всей своей силе, отличался медлительностью и разумом семилетнего ребенка. Во всех других случаях, когда не нужно было изворачиваться и убегать, Анний уделял брату все свое драгоценное время. В этот день они не собирались вступать в конфликт со сверстниками с Целия, но в целях устрашения, на всякий случай, Анний предложил взять Хоста с собой.

– Как же так, Тит, – не унималась девочка, – я не глупее его! Я умная и не буду вам мешать. Я даже не буду держать тебя за руку, если пожелаешь.

– Вот спасибо! – Тит рассмеялся, заулыбались и Марк с Аннием.

Младшей сестре Тита месяц назад исполнилось семь лет, она постоянно норовила увязаться за приятелями и еще ни разу не покидала пределов их двора. Мир, что был за его пределами, большой, шумный, неизведанный, манил ее так сильно, что девочка готова была на любые условия брата за одну лишь возможность взглянуть на него хоть одним глазком.

– Обещаю тебе, Младшая, – с самым серьезным видом сказал Тит, – в следующий раз обязательно свожу тебя к Тибру.

– К Тибру?! – Глаза малышки загорелись, она убрала от них кулачки. – Не обманешь?

Поднявшись с носков и напустив на себя торжественный вид, Тит произнес страшную клятву:

– Пусть поразит меня своими молниями Юпитер!

– Смотри! – Сестренка погрозила ему кулачком. – Обманешь – жди беды!

Повеселев, девочка подобрала подол туники и побежала к дому, друзья же направились к пристани, у которой ровно в полдень должны были сообщить важные новости. Холмы Рима еще вчера облетел слух, что из лагеря консула Сципиона прибыл вестовой, и народ жаждал знать, как обстоят дела на севере, куда вторглась армия ненасытного Карфагена. Форум еще с утра был до отказа забит людьми, но и здесь, у Тибра, всегда дублировали новости для тех граждан, кому не хватило на Форуме места либо по какой-то причине они не смогли туда попасть.

– Как считаешь, консул разбил пунийцев? – обратился Тит к Марку.

– Если бы он их разбил, Рим еще вчера сотрясали бы победные горны, – со знанием дела ответил приятель. – Думаю, сражения еще не было. Но консул преградил-таки пунийцам путь.

– Возможно, произошли первые стычки, после которых Ганнибал не смеет двинуться дальше, – высказал предположение Анний.

– И такое может быть, – не меняя серьезного тона, заметил Марк.

– А мне кажется, мы одержали первую победу! – Тит вздернул подбородок и принялся насвистывать песенку легионера, которой научил его сосед, в настоящее время как раз и служивший в армии консула Сципиона.

Они подошли к портовым докам, когда они уже были забиты людьми так, что прекратилась любая разгрузка кораблей. Только с лодок еще перетаскивали кое-какие товары или загружали их чем-то малогабаритным. Друзья попытались протиснуться ближе к центральному пирсу – деревянному мостику, выступающему в реку, – но их едва не задавили. Бросив бесплодные попытки пробиться к берегу, они забрались в пустую телегу, оставленную кем-то у самого края галдящей толпы. Обзор с нее оказался «лучше не придумаешь», как выразился Марк, и мальчики тянули шеи, боясь пропустить каждое слово такого важного для них сообщения.

– Граждане Рима! – обращался к собравшемуся люду помощник эдила. – Консул Публий Корнелий Сципион, да сопутствуют ему боги, сообщает, что встал против пунийца Ганнибала со всей своей армией! – Гул возбужденных голосов заставил задрожать накалившийся воздух порта. – Его кавалерия сразилась с бесчисленной конницей врага и остановила ее! – Очередной взрыв многоголосья, и глашатай вскинул руку, призывая к тишине. Когда волна шума пошла на спад, он продолжил: – В этом сражении обе стороны понесли значительные потери, а сам консул, сражаясь в первых рядах, не прячась за спины своих воинов, был тяжело ранен! – Толпа ахнула и замерла в напряженном ожидании следующих слов. – Ранение не угрожает жизни Сципиона, он продолжает командовать легионами, которые полны решимости защитить наше Отечество. Однако же, ввиду неподходящей для битвы местности, консул счел нужным отойти к Плацентии и защищать границы Республики по реке Пад. – В толпе раздалась первые выкрики разочарования. Не обращая на них внимания, глашатай говорил дальше: – Я напому вам, что наш второй консул, Тиберий Семпроний Лонг, уже спешит к Плацентии на соединение с армией консула Сципиона. Враг, что разоряет наши селения и поля, будет ими остановлен и окончательно разбит, а самого карфагенянина Ганнибала в цепях отправят в Рим. Таково слово консула Корнелия Сципиона и обоих преторов, Гая Атилия и Луция Манлия!

Как только помощник эдила закончил говорить, торговая площадь в одно мгновение превратилась в галдящую, как тысяча чаек, людскую массу, в которой один гражданин старался перекрыть другого. Кто-то размахивал руками, пытаясь таким способом что-то доказать, кто-то ругался, посылая на головы пунийцев все существующие несчастья, а кто-то сетовал на нерешительность консула, но большая часть уже выбиралась из толпы, не переставая при этом обсуждать услышанное.

– Хост, снимай нас, быстрее! – поторопил брата Анний.

Тот оторвал спину от телеги, у которой проскучал все это время, и с большой охотой, одного за другим, вернул мальчиков на землю. Они уже собрались покинуть доки, даже сделали несколько шагов в направлении Авентина, когда Марк, внезапно икнув, застыл на месте.

– Рябой, или как там его... Планк! – сдвинув брови, процедил он сквозь зубы и сжал кулаки.

Слева от них, на расстоянии десяти шагов, застыла кучка целийцев. Их глаза метали искры враждебности, а угрожающий вид говорил о том, что они готовы напасть. Тем не менее, учитывая многолюдность места, мальчишки медлили.

– Марк, мы же договорились, – поспешил напомнить Анний, поглядывая на брата, – только не сегодня!

– Я помню, помню, – заверил его Марк и показал целийцам средний палец.

У Рябого, главаря этой шайки, отвисла челюсть, но он быстро совладал с собой и погрозил ему кулаком.

– Зачем ты их дразнишь?

Марк повернул к Аннию счастливое лицо.

– Да они забоятся тронуть нас. – И кивнул на Хоста. – Вон у нас какая защита! Пусть только попробуют!

Демонстрируя своим врагам полное пренебрежение к ним, приятели проследовали к подножию холма и только там разразились смехом. За компанию с ними смеялся и Хост, хотя вряд ли разобрался, в чем причина такого внезапного взрыва веселья.

– Я так и не понял, – произнес Тит, переводя дух, – наших конников побили в том сражении? Или нет?

– Дождешься правды от этих консулов и преторов! – Марк почесал затылок. – Я мыслю так: если раненого Сципиона вынесли с поля боя, значит, кавалерия отступила, сохраняя боевой порядок.

– И что? Пунийцы тоже отступили? Про это глашатай не сказал ни слова.

– Говорю же, всей правды мы не узнаем. А хочешь узнать, расспроси тех, кто там был.

Тит задумался, затем вдруг по-дружески хлопнул Хоста по плечу.

– Вернутся наши легионеры, тогда и расспрошу!

Брат Анния улыбнулся ему настолько радушно, и у Тита сразу улучшилось настроение. Оно поднялось еще больше, когда на подходе к дому, в арке, он увидел крохотную фигурку встречающей его сестры. Малышка махала им рукой, а подбежав, требовательно заглянула ему в глаза.

– Ну как, получил по макушке?

Тит присел перед ней на корточки, подставил голову, и девочка легонько, едва касаясь, постучала по ней кулачком.

Глава 6

Полученная рана настолько обессилила Сципиона, что любое, даже самое небольшое, движение отзывалось в его теле сильнейшей болью. Отдав приказ основательно укрепиться на выбранном им холме, он сообщил преторам, что они останутся здесь до подхода армии консула Семпрония. Оба его помощника сочли такое решение разумным, поскольку, как заметил Манлий, у двух армий гораздо больше шансов разбить Пунийца, успевшего к этому времени пополнить свое войско рекрутами из местных галлов.

Под защитой вала и рва римляне чувствовали себя в безопасности, и даже когда противоположной берег Требии заняло войско Ганнибала, мало кто допускал, что карфагеняне решатся на штурм лагеря. Холмистая долина не позволяла широко развернуться кавалерии и в то же время являлась прекрасной позицией для обороны. Казалось, судьба наконец-то послала римлянам крепкую надежду на победу, оставалось только дожидаться Семпрония Лонга.

Публий в этих ожиданиях не был исключением. Он по достоинству оценил выбранную отцом позицию как для лагеря, так и вообще для обороны. Ко всему, в предстоящем сражении на возвышенностях, изобилующих оврагами и рощицами, роль конницы сводилась до минимума. И в то же время роль пехоты выходила на первый план, а римским legionерам, их тактике боя Ганнибал вряд ли мог что-либо противопоставить. «Слоны!» – вспоминал Публий и успокаивал себя тем, что на пересеченной местности эти гиганты, скорее всего, будут малоэффективны. В конце концов, можно подготовить для встречи с ними легкую пехоту. Он решил, не откладывая, обсудить этот вопрос с отцом, но не успел – к лагерю подошли легионы Семпрония.

Армия второго консула совершила поистине героический по своей скорости бросок, преодолев за сорок дней порядка 1200 миль. Ганнибал не стал препятствовать ее проходу (его мотивация осталась загадкой), и консулы наконец соединили свои легионы в единый кулак. Тиберий Семпроний Лонг, имея плебейское происхождение и являясь консулом от народа, узрел в создавшейся ситуации благоприятные для себя позиции. Правда, узрел он их не сразу. Вначале, получив письмо сената, где сообщалось, что Ганнибал вошел в Северную Италию, а ему предписывалось незамедлительно идти на помощь своему коллеге, Семпроний расстроился. Дела в Сицилии складывались как нельзя лучше: на море он одерживал одну победу за другой, пленил пунийские гарнизоны и корабли, начал подготовку к вторжению в Африку. Но затем, обдумав все как следует, он пришел к выводу, что такой неожиданный поворот событий можно использовать во благо собственной персоны. Сципион из-за мучившей его раны не мог полноценно командовать объединенной армией и уж тем более принимать участие в активных боевых действиях, и у Семпрония появлялся реальный шанс единолично почтить на лаврах победы. А в том, что он разобьет пунийцев своими превосходящими силами, консул не сомневался. Единственное, что доставляло ему беспокойство – конница противника, которая превосходила римлян и по численности, и по своим боевым качествам (если верить словам его коллеги). Бездействие Сципиона, убеждавшего его не торопиться с битвой, Семпрония раздражало; он не видел смысла в том, что их большая армия прячется за укреплениями лагеря. Видимо, боги в конце концов услышали позывы его рвущейся в бой души и предоставили возможность прощупать карфагенян в деле...

В лагерь римлян прибыло посольство от нескольких галльских племен, проживавших в долине между реками Пад и Требия. Послы молили о защите от грабежей, которым подвергались их селения со стороны диких орд захватчиков. Умолчали только о причине, по которой конница Ганнибала устраивала на них налеты (Пунийцу не понравилось, что галлы ведут двойную игру, заигрывая как с ним, так и с римлянами, за что он и решил их примерно наказать). Семпроний пообещал послам свою помощь, видя в них потенциальных союзников. И хотя кон-

сул Сципион не одобрил этого решения, поскольку не доверял галлам после их предательства, его коллега послал за Требию почти всю свою конницу и отряд велитов в тысячу воинов.

Лагерь неприятеля находился в нескольких милях от римского, и с гребней валов, куда Публий поднялся вместе с другими офицерами, можно было наблюдать группы всадников, возвращавшихся после очередного карательного рейда. Конница римлян атаковала их внезапно, опрокинув и порубив многих. Нагруженные добычей мародеры – в основном легковооруженные нумидийцы – оказали слабое сопротивление и бежали к лагерю. На помощь им вынеслась тяжелая иберийская кавалерия, и завязался уже настоящий бой. Семпроний, наблюдая с вала за ходом схватки, которая шла с переменным успехом, вошел в азарт и бросил в бой остатки конницы и еще две тысячи велитов. Всадники рубились так яростно, так исступленно, что над римским лагерем повис устойчивый металлический звон, словно тысячи кузнецов без устали молотили по тысячам наковален. Наконец, уступив давлению противника, карфагеняне начали отступать. Они нашли укрытие за плотными рядами своей пехоты, которая выстроилась перед лагерем в боевые порядки. Идти в лоб на изготовившуюся к битве армию было бы полным безрассудством, и римские кавалеристы, а за ними и велиты повернули к Требии.

Несмотря на понесенные потери, Семпроний приписал победу римлянам, однако главное, что он вынес из этого сражения: утверждение его коллеги о превосходстве пунийской конницы слишком преувеличено. Уверовав в благополучный исход нового столкновения с врагом, консул еще больше укрепился в желании сразиться с армией Ганнибала немедленно, пока она не отступила, а мнение Сципиона с этого дня он просто игнорировал.

Публий случайно услышал разговор преторов, точнее его обрывки, когда они вышли из палатки отца.

– Лично я поддерживаю Семпрония, – говорил Атилий, – нужно заканчивать с этим противостоянием здесь и сейчас.

– А не допускаешь ли ты, друг мой, – вкрадчиво отвечал ему Манлий, – что Ганнибал желает того же не меньше нас?

– Что ты имеешь в виду? Поясни!

– Он не послал погоню за нашими всадниками и застрельщиками, когда они отходили к лагерю. Хотя мог это сделать. И вообще, ведет себя так, словно выманивает нас на открытую позицию, стремится навязать свою битву.

– Твои слова, мой дорогой друг, не лишены смысла. Но ты забываешь о Риме, который мы с тобой призваны защитить. А значит, мы не имеем права игнорировать угрозу и пропустить врага хоть на один шаг дальше того места, где стоим сейчас.

– В этом я не могу с тобой спорить. И, если понадобится, выйду на бой.

– Другого ответа я от тебя и не ждал! – бодро произнес Гай Атилий.

– Мне это весьма приятно слышать. – В голосе претора Манлия бодрости было гораздо меньше. – Однако у меня не выходит из головы еще одно обстоятельство – то, что Пуниец дал возможность отойти нашим воинам и в битве при Тицине. Он будто изучал нас, наши боевые команды... маневры.

– Похоже, ты недалек от истины, – сказал Атилий уже не так уверенно и бодро, как минуту назад. Видимо, слова коллеги посеяли в нем семена сомнений, и Публий мог только догадываться, какие вихри пронеслись в голове претора, омрачив его и без того посеревшее лицо.

* * *

Отец говорил медленно, часто прерываясь, но взгляд его при этом оставался ясным, как никогда:

– После захвата Кластидии, а в ней хранились почти все наши запасы зерна, у Ганнибала больше нет проблем со снабжением. Теперь его армия надолго обеспечена хлебом, а мясо и вино он отберет у местных галлов.

– Многие племена сами поставляют ему и то и другое, – напомнил Публий.

– Конечно, чего еще можно ждать от этих жалких, ничтожных изменников! – Консул нахмурился, отчего его бледный лоб прорезали глубокие складки.

Они находились в палатке одни, не считая Элия, стоявшего на страже их уединения за пологом приемной. От Публия не укрылось, что отцу не дают покоя какие-то тяжкие мысли, и он имел все основания предполагать, что связаны они, скорее всего, с Тиберием Семпронием Лонгом. Родитель подтвердил его догадки, резко сменив тему беседы.

– Большая часть легионеров, которых привел Семпроний, неопытна, – начал он, продолжая хмурить брови, – им необходимы тренировки, на которые можно было потратить зиму. А уже весной... – Сципион сжал губы, сощурил глаза, словно всматривался в будущее. Затем заговорил снова: – Но консулу не терпится сразиться с врагом, разбить его и вернуться в Рим победителем Ганнибала. Единоличным победителем!

– Возможно, так оно и будет, – вздохнул Публий.

– Возможно, – повторил за ним отец и наконец усмехнулся: – Но мне-то известна истинная причина, побуждающая Семпрония не медлить с битвой! Приближаются выборы новых консулов, и если он разобьет пунийцев, устранив, таким образом, угрозу Республике, его могут избрать на второй срок. Народ Рима ждет от нас победы, только победы. И мотивы Семпрония очевидны – завоевать его расположение.

– Не вижу в этом ничего дурного, – признался юноша.

– Как и я. Запомни, сын, сила Рима, его могущество – в его гражданах. – Сципион опустил глаза к левому боку, где под туникой его опоясывала тугая повязка. – К сожалению, рана не позволяет мне участвовать в сражении, пусть и преждевременном. Хотя я все равно остаюсь при своем мнении: легионы нуждаются в тщательной подготовке.

– Но дело ведь не только в этом, отец? Ганнибал мне кажется не такой легкой добычей, на какую рассчитывает консул.

– Я говорил ему об этом много раз. Но после недавней победы он меня и слушать не хочет. Она вскружила ему голову.

Их прервал сигнал тревоги, ворвавшийся в палатку порывом холодного ветра. Отец и сын переглянулись.

– Я узнаю, что случилось, – сказал Публий, вставая с табурета и направляясь к выходу.

– Предполагаю, что Ганнибал устроил провокацию, выманивая Семпрония из лагеря, – понеслось ему вслед.

Взобравшись на вал, Публий даже не удивился точности слов отца: лагерь атаковала вражеская конница, всадники которой, переправившись через Требию, неслись к нему во весь опор. «Нумидийцы, кто бы мог сомневаться!» – с нарастающим раздражением узнал он ливийских конников, успевших причинить им немало хлопот. Меж тем, с гиканьем и свистом, всадники приблизились к валу и, гарцуя у самого края рва, осыпали римские укрепления сотнями дротиков. Караулы вала ответили им жидкими залпами пилумов. Нумидийцы разразились издевательским смехом и буквально забросали караульных смертоносным дождем. Дротики вонзались в щиты, в плетеные заграждения; два или три солдата, вскрикнув, скатились по валу в лагерь. Еще один, схватившись за плечо, упал на колени, но перед тем успел метнуть копье, которое сшибло на землю пунийского воина. Его конь встал на дыбы и дико заржал – в римском лагере, наконец, взревели трубы.

Публий обернулся к Элию:

– Сообщи отцу, что он оказался прав. Семпроний выводит армию. – И, окинув беглым взглядом лагерь, поразился тому, что увидел.

Заспанные, полуодетые легионеры выбегали из палаток и, на ходу облачаясь в доспехи, хватались за оружие. Семпронию понадобилось некоторое время, чтобы выстроить эти взбужденные массы солдат в боевые колонны. Белоснежный жеребец под ним пускал клубы пара и нетерпеливо гарцевал. Пребывал в нетерпении и сам консул. Он приказал своим трибунам вывести из лагеря конницу и шесть тысяч велитов, чтобы отогнать неприятеля. Затем, возглавив остальную часть армии, двинул ее к Требии.

К этому времени кавалеристы и велиты отогнали нумидийцев за реку и сами форсировали ее. Затем к Требии подошли легионы Семпрония.

Это был самый короткий день декабря, день зимнего солнцестояния. Шел мокрый снег, и его пелена заволокла долину, что простиралась вплоть до лагеря карфагенян. Холмы, редкие деревца и кустарник выступали сквозь белую завесу снега черными жуткими пятнами, напоминающими мертвецов. Но это было еще не самое неприятное. Ночью прошел дождь, и вода в Требии поднялась. Однако консул, не придав данному обстоятельству значения, отдал команду к переправе. Публия пробил озноб. Не успевшие позавтракать и как следует утеплиться воины входили в ледяную воду, которая доходила им до груди, и, дрожа от холода, пробирались к противоположному берегу. Эта переправа стала для них первым жестоким испытанием, ну а второе не заставило себя ждать. Преодолев реку, мокрые, замерзшие легионеры уже не чувствовали рук, окоченевшие пальцы которых намертво вцепились в оружие. Тем не менее, окрыленный призраком победы, Семпроний Лонг повел их вперед.

Между тем, преследуя нумидийцев, римская конница оторвалась от основных сил. В какой-то момент Публию показалось, что их всадники вот-вот настигнут неприятеля и зададут ему хорошую трепку. Его ожидания рассыпались в прах, когда из бледной пелены снега появились вражеские воины. Они двигались легко и быстро и, пропустив своих конников, засыпали римлян дротиками и камнями из пращей. Нумидийцы, рассеявшись, исчезли во мгле, а римляне, попав под обстрел, затоптались на месте. Вовремя оценив ситуацию с кавалерией, консул передал приказ на отход. Корнищны выдули сигнал, и всадники откатили от легкой пехоты противника двумя волнами, заняв позиции на флангах. Увидев этот грубый маневр, Публий поморщился. Даже ему, неискушенному в военном деле, было очевидно, что силы распределены неравномерно: тысяча римских конников прикрывала правый фланг, а три тысячи союзников – левый. Семпроний явно переоценивал возможности кавалеристов Республики.

На какое-то время снег перестал идти, и бледная завеса его растворилась в пробившихся в долину солнечных лучах. В их сиянии Публию предстала армия врага, растянувшаяся по всему фронту. В центре, закрывшись щитами и выставив копья, застыла тяжелая пехота. На флангах – конница, сбившаяся в темные, угрожающие массы. Даже с расстояния, что отделяло вал от места построения войск, Публий не мог не заметить, что кавалерии у противника значительно больше. Но учел ли этот очевидный перевес Семпроний? По всей видимости, менять что-либо в принятом изначально построении консул не собирался. Сигнальщики озвучили его приказ, и к холодному небу взлетел протяжный, отдающий металлом рев боевых горнов.

Сомкнув щиты, легионы качнулись и сдвинулись с места. Они шли, с трудом ступая по размокшей земле, в которой вязли их ноги, гремели оружием и амуницией. А навстречу им уже катилась пунийская пехота. Одновременно пришла в движение и конница.

– Сейчас начнется! – сказал караульный, как и Публий, наблюдая за тем, как сближаются оба войска. Юноша задержал дыхание, придвинулся к заграждению и вжался пальцами в его край.

Сражение начала легкая пехота, и римская почти сразу эту перестрелку проиграла. Велиты израсходовали большую часть дротиков в погоне за нумидийцами, а те, что еще оставались у них, безнадежно промокли при переправе, став непригодными для броска. Карфагеняне обрушили на противника такой шквал снарядов, что римские застрельщики дрогнули и начали пятиться. Чтоб их отход не превратился в бегство, Семпроний приказал им отойти под

защиту легионеров, и велиты темными ручейками хлынули в промежутки между манипулами. Отвел своих стрелков и Ганнибал, но, в отличие от консула, усилил ими фланги.

– Они не выдержат, не выдержат, – шептал Публий, округлившимися глазами следя за правым флангом войска.

Впереди пунийской кавалерии бежали слоны (Публий отметил, что их у Ганнибала стало меньше, он не насчитал и двух десятков). Лошади римлян от одного вида этих животных приходили в неистовство и, дико взбрыкивая, сбрасывали своих наездников. Сумятицы добавили легкие пехотинцы, забросавшие римских всадников дротиками и камнями. И когда в дело вступила конница врага, римская была легко опрокинута и рассеяна по полю. Подобная картина складывалась и на левом фланге, где кавалеристы союзников в панике уносились к реке.

Небо, словно огорчившись таким неприглядным началом битвы, опять нахмурилось и пролило на землю первые капли слез, которые очень быстро перешли в мощные колючие струи. Солдат, что дрались в центре, и римлян, и карфагенян, заливало с ног до головы. Казалось, всю эту перемешавшуюся массу людей вот-вот поглотят потоки дождя, но воины обеих сторон дрались с таким ожесточением, точно не замечали обрушившейся на них стихии. Публий так и не понял, кто вдохнул силу в окоченевшие тела легионеров – то ли следившие за ними боги, то ли родная земля, за которую они сейчас бились. Что бы то ни было, но римляне начали заметно теснить пунийцев. Впрочем, длилось это недолго. Освободившись на флангах, легкая пехота противника ударила по когортам с двух сторон. Слоны – по центру.

– Моча и кровь, засада! Пунийцы устроили засаду! – закричал караульный, тыча пальцем в черную полосу оврага, затянутого стеной дождя.

Из него, как из-под земли, выкатывались всадники и пехотинцы. Овраг, поросший густым кустарником, находился позади и чуть правее их войска, оставшись незамеченным, когда легионы Семпрония двигались вперед. Теперь, завершая окружение, воины врага атаковали их с тыла. Тем не менее, несмотря на сложившуюся ситуацию, у римлян все еще оставался численный перевес в пехоте, а значит, битва пока что проиграна не была. У Публия даже затеплилась надежда на очередной ее поворот, когда он увидел, как отважно велиты бросились на слонов. Они забросали гигантов оставшимися у них дротиками, а самые смелые, подбегая, наносили удары по ногам. Животные, страдавшие от холода не меньше людей, наступали неохотно, от полученных ран становились неуправляемы и в конце концов, трубя, как целая армия корниценов, повернули обратно, на строй своей же пехоты. Врезавшись в нее, они разорвали бы ее ряды на части, если бы Ганнибал вовремя не перебросил слонов на левый фланг. Было ли его решение продуманным или же рожденным минутным порывом, Публий знать не мог. Но он точно знал, что Пуниец перебросил своих зверей против самого слабого участка римлян, на котором стояли ценоманы, единственное галльское племя, оставшееся в этой битве с Римом. В результате произошло то, что и должно было произойти. Слоны выместили на ценоманах всю свою злость, топча и разбрасывая их, как скорлупки орехов. Воздух наполнился воплями и треском дерева, перекрывшими все другие звуки. Потеряв многих соплеменников, бросая бесполезные щиты, галлы в ужасе бежали.

В то же время, окруженные со всех сторон, легионы продолжали сражаться. Заняв круговую оборону, они лишали противника возможности расколоть себя. Пунийцы же атаковали непрерывно, посылали вперед слонов, забрасывали градом снарядов, однако римляне и их союзники держались с такой сверхчеловеческой стойкостью, что Публий не мог не испытать чувства гордости за своих соотечественников. Он бросил взгляд на караульного. По щекам парня катились слезы, а губы едва слышно шептали:

– Они все погибнут... все до одного...

И все же большому отряду, который лично возглавил Семпроний, удалось прорваться. Жеребец под ним давно пал, но Публий отметил для себя место, где бился консул. Его крыло стояло против легковооруженных галлов, что и позволило пробиться сквозь плотное кольцо

врага. Римляне, не забывшие предательства, перерезали практически всех галлов до одного и проложили по их трупам путь к своему спасению.

Выжил ли в этой бойне Семпроний, Публий видеть не мог из-за дождя и расстояния, но разглядел другие разрозненные группы, которым повезло вырваться из окружения. Впрочем, вряд ли это можно было назвать «везением». Те, что пытались присоединиться к отряду консула, были растоптаны слонами. За теми же, кто бежал к Требии, по пятам гнались нумидийцы. Они сбивали лошадей отстающих, пронзали их пиками. Отставали по большей части триарии. Тяжелые кольчуги замедляли им бег, и нумидийцы с победными кличами втапывали несчастных в жидкую грязь равнины.

– Собери велитов, всех, что остались в лагере! – бросил Публий караульному и устремился к воротам.

С валов уже сбегали другие солдаты, видевшие, в какой опасности оказались их товарищи.

– Только застрельщики! Остальным быть готовыми к обороне! – отдал приказ Публий, и никто не посмел его ослушаться.

Пять сотен велитов, возглавляемых юным командиром, достигли реки, когда первые из беглецов выбирались на противоположный берег. Тех, кто только подбегал к Требии или начал форсировать ее, уже настигали пунийцы. Они налетели на римлян, точно стая голодных псов, опрокидывали в воду, кололи копьями. Многие легионеры, обессилев от ран, тонули в реке. Увлечшись кровавой резней, нумидийцы не сразу сообразили, что сами попали под обстрел. Дротики велитов, летевшие с поразительной точностью, нашли свои цели прежде, чем всадники неприятеля закрылись щитами. Карфагеняне взвыли, обнаружив на земле бездыханные тела многих своих соплеменников. Эта картина остудила их пыл, и они не решились направлять коней в воду. Застрельщики продолжали метать дротики, прикрывая отход товарищей, пока последний из них не выбрался на безопасный берег Требии. Только после этого всадники пустынь развернули лошадей и ускакали к месту боя, который уже, по сути, превратился в бессмысленную расправу над уцелевшими римлянами.

– Командир Сципион! – услышал Публий знакомый голос и не поверил своим глазам.

Перед ним, промокший до нитки, весь измазанный в грязи, стоял Квинт. Легионер тяжело дышал, руки его все еще подрагивали, но в карих глазах полыхал огонь искренней радости.

– Похоже, мы теперь квиты, командир! – улыбнулся он, и улыбка эта вышла такой вымученной, что у Публия не возникло ни малейшего желания задавать ему вопросы.

Он молча снял с себя плащ и набросил его на плечи Квинта...

* * *

Этой же ночью римляне покинули лагерь. Их было не так много – тех, кто оставался в лагере с консулом Сципионом, и тех, кто уцелел в сражении. Через Требию они переправились на плотках, которые соорудили из подручных средств. Затем, по возможности соблюдая тишину, направились в сторону Плацентии, куда ушел пробившийся отряд Семпрония.

Еще с вечера к дождю добавился сильный ветер, и теперь непогода помогала тем, с кем сыграла злую шутку во время битвы. Из донесений часовых, которые до последней минуты оставались на валах, следовало, что карфагеняне после одержанной ими победы вернулись в свой лагерь. Это обстоятельство вселяло надежду, что бегство римлян не будет обнаружено, во всяком случае сразу. Перспектива погони представлялась катастрофической, поскольку выжить в новом столкновении с конницей Ганнибала у них не было ни единого шанса.

– Думаю, пунийцы сейчас заняты куда более интересным делом, – заметил Элий, – чем отслеживать по окрестностям наши уцелевшие горстки.

– И чем же они, по твоему мнению, заняты? – заинтересовался Публий.

– Упились галльским вином и распевают песни, – простодушно объяснил телохранитель отца и, усмехнувшись, прибавил: – А что еще им остается?! В конце концов, имеют право.

– Да, на это они имеют право, – вздохнул Публий, оборачиваясь к носилкам, на которых лежал отец.

Всех лошадей они оставили в лагере, чтобы случайным ржанием те не выдали их во время марша. Да и преодолевать с ними реку было бы весьма хлопотно. Он жалел о потере гнедого, к которому за время похода успел привязаться. И жалел, что не сразил ни одного врага на берегу Требии. Перед глазами все еще стояли тонущие в реке legionеры, захлебываясь, из последних сил, пытавшиеся добраться до своих товарищей. Он помнил их лица, искаженные болью и мольбой, и помнил глаза, в которых теплилась отчаянная надежда на спасение. Но оно так и не пришло...

Невдалеке заржала лошадь. За ней – еще одна. Колонна остановилась без команды, как было оговорено еще в лагере. Казалось, люди перестали дышать, и только вой ветра да шум проливного дождя были единственными, кто беспощадно тревожил эту черную ночь. Ржание не повторилось, как не возникло и других посторонних звуков, разве что завывание ветра стало чуть тише. Наконец колонна сдвинулась с места и неспешно продолжила марш.

«Возможно, пунийцам просто не до нас, – рассуждал Публий, поправляя плащ, укрывавший отца. – Они, как и мы, истощены битвой и ранами и, скорее всего, сделали вид, что не заметили нас».

Глава 7

– Держимся вместе! Стена прикроет нам спины! – командовал Марк, со злым прищуром изучая четверку врагов.

Мальчишек с Целия было больше, и они были крупнее, что давало им право вести себя уверенно и развязно. Они усмехались, разглядывая троицу друзей, которых застали врасплох и прижали к стене одного из хранилищ доков. Затем, не переставая скалиться, подняли с земли небольшие камни.

– Это не по правилам! – возмутился Марк, выставя перед собой кулаки. – Давайте драться как мужчины!

Рябой дернул плечами и выбросил камень. Его примеру последовали другие мальчишки, но миролюбия в их глазах не прибавилось.

– Атакуем! – выкрикнул Рябой, первым бросаясь вперед.

– Стоим насмерть! – выкрикнул и Марк, чуть пригибаясь, чтобы отразить наскок.

Тит ощутил холодок каменной стены и, оттолкнувшись от нее спиной, буквально полетел навстречу врагу. Он с размаха нанес удар правой, но рука не достала до физиономии целийца, оказавшегося у него на пути. Зато кулак противника впечатался в его челюсть с такой силой, что у Тита выскочили из глаз звезды. Отлетая обратно к стене, он успел увидеть, как Анний, используя голову в качестве тарана, врезался в живот одного из целийцев и тот согнулся пополам. Однако другой мальчишка схватил его друга за тунику и швырнул вперед, на низкую каменную ограду, служившую загоном для скота. Анний перелетел через нее, зацепившись ногами и, громко ойкнув, распластался на земле.

– Получил?! – торжествовал тем временем Марк, удачно съездив кулаком по уху Рябого-Планка.

– Получи и ты, пузырь! – понеслось ему в ответ.

Булькающий звук подтвердил, что Марка ударили под дых. Стиснув зубы, Тит опять оттолкнулся от стены и бросился на помощь другу, но один из врагов подставил ему подножку. Проехавшись животом по земле, Тит уже готов был вновь вскочить на ноги, но чья-то ступня не позволила ему подняться. Она так сильно давила на позвоночник, что он вскрикнул.

– Попался, авентинский гаденыш! – раздался над его головой ехидный смешок, и Тит чуть не расплакался от досады.

Неожиданно нога перестала давить, и он понял, что получил свободу действий. Извернувшись, Тит перевернулся на спину, уже готовый лягнуть соперника пятками. Но того и след простыл. Он огляделся.

Рябой и еще один целиец уносили с поля боя ноги. Их товарищи такой возможности не имели. Издавая «ахи» и «охи», они валялись в пыли, а над ними, точно могучий Геркулес, возвышался Хост. Он прошелся по спинам поверженных врагов, как по настилу палубы, заставив тех громко взвять, и извлек из-за ограды брата. Взяв Анния на руки, Хост обернулся к приятелям.

– Домой, – коротко бросил им и зашагал к Авентину.

Они последовали за ним с большей охотой, чем следовало покидать место сражения, которое к тому же осталось за ними. Анний в руках брата не переставал стонать – не громко, но мучительно. И Марк высказал предположение:

– Возможно, у него сильный ушиб.

– Или вывих, – вставил свою монету и Тит.

Хост посмотрел на брата с таким участием, как если бы был его любящей матерью. И прибавил шаг, вынудив приятелей чуть ли не бежать за ним. Между тем Анний разлепил губы, прохрипев:

– Моя нога... ребята.

– Вижу, что нога, – серьезным тоном произнес Марк, оглядывая опухшую лодыжку друга. Взглянул на нее и Тит.

– Может, отнесем его к Сальвию? Дома-то чем ему помогут, кроме тумачков?

Хост остановился, прижимая Анния к груди, словно драгоценную ношу, и переводя взгляд с одного мальчика на другого. Тит повторил:

– Самое правильное сейчас будет – идти к Сальвию!

Его уверенный тон возымел свое действие, и Марк согласно кивнул:

– Хост, двигаем к старику Сальвию. Тит прав. Если кто и поможет Аннию, то только он.

Лекарь Сальвий Руф жил в начале улицы Каменотесов, имел репутацию мастера своего дела и никому никогда не отказывал в помощи. К нему приходили со всего Авентина, с переломами и ушибами, с язвами и горячкой и даже с запорами. Являясь ветераном первой войны с Карфагеном, Сальвий еще юношей начал постигать искусство врачевания, уйдя в море на одном из римских кораблей. Что ему пришлось увидеть и пережить, трудясь в качестве помощника войскового хирурга, ведали одни боги. Но когда пришло время, он занял эту почетную должность и был верен ей до конца. Скольким legionерам спас он жизнь и сохранил конечности, знал только сам старик, но поговаривали, что ему довелось оперировать консула Гая Лутация, получившего ранение в морском сражении у Эгатских островов, том самом, что поставило точку в той войне. Сальвий всегда с большой охотой говорил о ней, но обходил стороной собственные заслуги, считая их незначительными. Он давно разменял пятый десяток лет и подходил к шестому, оставаясь при этом в здравом уме и твердой памяти и неизменно – бодрым духом и телом. За свои услуги брал недорого, ну а тем, у кого худо шли дела, делал приличные скидки. Его уважали, члены местной коллегии, которым он вправлял носы и другие кости, оберегали пуще сундука с монетами, а добросердечные домохозяйки не забывали приносить угощения, поскольку супруга старика давно умерла.

Инсула – пятиэтажный дом, на первом этаже которого снимал комнаты Сальвий, – была древним, но добротным зданием. Тут же, на первом этаже, располагалась лавка, где торговали травами, мазями и всевозможными настоями, которые старик зачастую рекомендовал своим больным. Другим повезло – пациента у него не было. Он занимался тем, что приводил в порядок свои инструменты: протирал смоченной в вине тряпочкой и раскладывал по деревянным коробкам. Хост зашел в приемную комнату первым. Марк и Тит скромно выглядывали из-за его широкой спины.

– Брат! – Великан легонько качнул руками, в которых, как в колыбели, лежал и поставлял Анний.

Сальвию хватило одного короткого взгляда на мальчишек, чтобы понять все без объяснений.

– Подрались? – скорее сказал он утвердительно, чем спросил.

Приятеля промолчали, пристыженно потупив головы.

– Он не может стать на ногу, – произнес наконец Тит и поднял на лекаря повлажневшие глаза.

– Конечно, не может. – Сальвий ощупывал лодыжку Анния, качал головой. – И еще долго не сможет на нее стать.

– Как так – «долго»?! – выпалил Марк.

– Да вот так! У вашего друга сломана кость... в очень нехорошем месте.

Тит только сейчас обратил внимание на ярко-рыжую шевелюру старика, за которую он еще в детстве получил прозвище Руф, что значит «рыжий», и которое приклеилось к нему навсегда. Сальвий имел привычку убирать с висков волосы назад и держать руки на затылке, пока размышлял. Наконец он вернул руки на грудь, в скрещенное положение, и вынес свой приговор:

– Вот что, храбрецы. Кладите вашего дружка... – он взглянул на Хоста, замершего посреди комнаты с Аннием на руках... – и брата на операционный стол. Будете мне помогать...

Все дальнейшее пролетело для Тита как в кошмарном сне.

Хост, следуя указаниям лекаря, намертво прижал вытянутые руки брата к бедрам. Они с Марком держали правую, здоровую, ногу Анния. Сальвий же склонился над левой, пострадавшей. Вначале Тит увлеченно наблюдал, как он осторожно прощупывает лодыжку товарища, примеряет к ней железный обруч, и думал о том, что чувствует при этом Анний. Но тот, после снадобья, которое влил в его рот Сальвий, закрыл глаза и бормотал что-то бессвязное. Затем, когда пальцы старика с силой нажали на бугорок, неестественно выпирающий наружу, после чего раздался резкий короткий хруст, Тит и сам зажмурил глаза и не открывал их до тех пор, пока не услышал голос лекаря:

– Ну вот и все. Какое-то время он еще поспит, а потом его ноге нужен будет покой. Конечно, лучше вашему приятелю остаться пока у меня.

– Как долго?! – ужаснулся Марк, разглядывая стягивающий лодыжку друга железный обруч, поверх которого Сальвий накладывал тугую повязку.

– Хотя бы до утра. И скажите его родным правду.

– Я скажу правду! – вызвался Хост, убирая со лба Анния слипшиеся от пота волосы.

Марк и Тит переглянулись: дома их и без гадания ждал не самый приятный разговор. Но случившегося уже не изменить. Тит представил испуганные глазенки младшей сестры, и ему стало жалко и ее. Внезапно он ощутил острую необходимость услышать хоть что-нибудь хорошее, поэтому спросил:

– А как скоро Анний сможет ходить?

– Ходить... – Сальвий посмотрел на него с сочувствием. – Ходить через два... или три месяца. А вот бегать он уже не сможет никогда.

Вердикт лекаря поверг приятелей в шок. Понял все и Хост, утер глаза и горестно всхлипнул.

* * *

Отец Анния выглядел встревоженным, как будто уже знал обо всем, что случилось с его сыном. Выслушав рассказ мальчиков, он, к их удивлению, не разразился бранью, а сразу умчался к Сальвию. Последовал за ним и Хост.

– Одна буря нас обошла, – заметил Марк, с опаской поглядывая на арку, за которой начинался их дворик. – Осталось пережить вторую.

– Переживем, не в первый раз, – сказал Тит, первым шагнув в направлении дома. На самом деле неминуемая взбучка тревожила его не меньше друга, но он твердо решил вынести ее стойко, как мужчина. В конце концов, если посмотреть на все с другой стороны, он вышел из стычки с наименьшими потерями, отделавшись пустяковой ссадиной на щеке, в отличие от Анния, который лежал сейчас в приемной лекаря с поломанной ногой.

Дом встретил их мрачными лицами мужчин, рассеявшихся за столом в центре двора. На грубой столешнице перед ними стояли два кувшина вина, и на мальчиков никто не обратил внимания. Зато появление их не прошло незамеченным для матери Тита, вышедшей на лестницу с миской закуски в руках.

– Явился, дитя ветра и пыли! – выкрикнула она, нахмутив лоб. – Дентер, ты только посмотри на него! Посмотри на своего сына!

Отец Тита обернулся, смерил его рассеянным взглядом, который явно показывал, что родителю в данную минуту не до него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.